

Co-funded by the
Erasmus+ Programme
of the European Union

При поддержке Программы Европейского союза Эразмус +
Кафедра Жана Монне 575077-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR 'Правовые основы
отношений между Россией и ЕС' (2016-2019)

При поддержке Программы Европейского союза Эразмус +
Модуль Жана Монне 587634-EPP-1-2017-1-RU-EPPJMO-MODULE «Правовые
основы внешнеэкономической деятельности ЕС» (2017-2020)

With the support of the Erasmus+ programme of the European Union
Jean Monnet Chair 575077-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR
«Legal Foundations of the EU-Russia Relations» (2016-2019)

With the support of the Erasmus+ programme of the European Union
Jean Monnet MODULE 587634-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-MODULE «Legal
foundations of EU external economic activities» (2017-2020)

Право ЕС для молодых преподавателей и ученых в России III

«Жан Монне – 30 лет превосходства в европейских исследованиях»

(Материалы III семинара для преподавателей)

EU Law for Young Generation of Teachers and Researchers in Russia III

'Jean Monnet – 30 years of Excellence in European Studies'

(Third Workshop for Teachers)

Москва, 2019

Право ЕС для молодых преподавателей и ученых в России III «Жан Монне – 30 лет превосходства в европейских исследованиях» (Материалы III семинара для преподавателей). М., 2019. 90 с.

Редактор:

П. А. Калиниченко, д. ю. н., профессор кафедры Интеграционного и европейского права Университета имени О. Е. Кутафина

The European Commission support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents which reflects the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

© Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2019
© 2019 Kutafin Moscow State Law University. All rights reserved. Licenced to the European Union under conditions.

Оглавление

Kashkin S. Jean Monnet programs in the Kutafin Moscow State Law University: from past to the future (Instead of introduction).....	4
Калиниченко П.А. Современные правовые аспекты отношений между Россией и Европейским Союзом (2017–2018 гг.)	8
Слепак В.Ю. Некоторые аспекты договорно-правового регулирования отношений в сфере «мегасайенс» в ЕС и США.....	14
Камалян А.М. ЕС вкладывает средства в КРЕМЛЬ: проект CREMLIN как пример сотрудничества в условиях санкций	21
Пожилова Н.А., Крылова М.С., Степанян А.Ж. Современные подходы и модели регулирования в области цифровых технологий в государствах, международных организациях и интеграционных объединениях.....	25
Заплата Т.С. Соотношение вопросов правового регулирования искусственного интеллекта и персональных данных в Европейском Союзе.	33
Гречухина М.А. Свобода мысли, совести и вероисповедания в европейском праве и прогресс науки и техники.....	40
Романова М. Е. Международные договоры как источник таможенного права Европейского Союза	46
Филипова И.А. Развитие правового регулирования труда в условиях Индустрии 4.0 на общеевропейском уровне	52
Михайлова С.А., Ткачук В.В. Патентование и «зеленая» политика в сфере гномики человека в практике Суда ЕС	59
Колосок С.Г. Дело Европейского суда C-536/13, Gazprom. Уроки подведомственности: как относиться к конкуренции юрисдикций	64
Гальцова Н.В. Прецедентное значение дела Jacquet C-65/96.....	75
Попова О. Решение Суда ЕС по делу C–367/89 Criminal Proceedings against Aim Richard and Les Accessoires Scientifiques SNC	82

Kashkin S.
Dr.Sc., professor
Chief of the Department of Integration and European Law of
the Kutafin Moscow State Law University,

**Jean Monnet programs in the Kutafin Moscow State Law University: from
past to the future
(Instead of introduction)**

Dear friends and colleagues, our conference is dedicated to the work of the Department of Integration and European Union Law of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA) on Jean Monnet programs. We are among the largest (about 17 000 students including over 500 postgraduate students), most effective (have published over 25 text books on EU law) and natural scientific and education institutions professionally studying all aspects of European Law in the post-Soviet area for more than two decades.

European Studies in Russia have started since 1990. Some general problems of EU Law in our University were concentrated at first in the Department of Foreign Constitutional Law since 1993. After a few years of preparatory work a special EU Law Department was founded in O.E. Kutafin Moscow State Law University in 1997. This action was supported by the Dutch Bureau “CROSS” and the Ministry of Education and Culture of the Netherlands.

In 2005 – 2008 the MSLA took part in rolling out the European Study Institute at the Moscow State Institute of International Relations (University). At first our University had only bachelor program in EU Law.

In 2010 the EU Law Department started the first Jean Monnet Chair program the aim of which was introduction of a fullfledged Master’s program in European Union Law. It resulted in two volume textbook and introduction of such a program in the Kutafin University. It was very important that after Russia’s joining to the Bologna process, master’s degree program “Theory and Practice of European Law” and bachelor’s degree program “European Union Law” were introduced in the

University curriculum in 2010-2013. The Jean Monnet Activity (Jean Monnet Chair) effectively supported this project.

This program also became a kind of a model for teaching EU law in other institutions of higher learning in Russia. The main elements of the Master's program in European Union Law were also used for introduction of the EU Law for foreign students which helped to harmonize our education systems with the West.

In 2015 the Department changed its name for the Department of Integration and European Law. The Department carries out teaching aimed at bachelor's and master's degree programs and postgraduate levels in the fields of European law. Furthermore, the Department conducts academic research in practically all spheres of the EU law. Understanding European Union law as a best model of integration law it also studies the law of other integration organizations in a constructive comparative way.

However, the academic programs of 2010-2013 had a framework nature. Their practical implementation and modernization required further steps on the ground of new EU orientated courses.

The next project of Jean Monnet Chair "The Legal Basis of the EU-Russia Relations", carried out by Dr.Sc. Professor P.A. Kalinichenko in 2016-2019 aims to introduce new academic programs:

- "The legal framework of EU-Russia relations" for undergraduates and graduate students and

- "EU Trade Law (and Russia)" for undergraduate students

in the university curriculum. These new academic courses focus on the provisions of international and European law between the EU and Russia, which are based on respect for human rights, democracy and the rule of law.

An academic course entitled "Legal Foundations of EU-Russia Relations" in its various modifications was introduced into the university's master's programs. In addition, it has become a part of the University's master's degree program for international students in English, which ensures the dissemination of results at European and international level.

The 2018 new Jean Monnet Project “Legal Foundations of the EU external economic activities”, under the guidance of associate professor V. Slepak aims to implement new academic courses (156 hours per year):

- “Legal Foundations of the EU external economic activities” for bachelor’s degree students and

- “Legal aspects of EU-Russia commercial relations” for master’s degree students

in the University curriculum. These courses are coherent and have a multidisciplinary synergy effect. These new academic courses focus on International and European Law provisions between the EU and third countries in economic area, which are based on basic common values. These academic courses will support to disseminate legal meaning of these values among the new generation of Russian law students.

At the background of new methodologies and technologies (e.g. video lecture for the distance students) the academic course “Legal Foundations of the EU external economic activities” will be introduced to bachelor’s programs in terms of distance education. It is also very helpful for the postgraduate students. On the top of that, this new academic course has a framework nature and may be introduced in other (non-law) departments not only in Kutafin University, but in other institutions of higher learning in Russia and the post-Soviet area.

Detailed working programs of proposed academic courses, all methodological materials and a textbook are being prepared for publication. Additionally, each year the Project will cover two events targeting students and civil society. All the results of these events will be published. The research activity under the Project involves close cooperation with other Jean Monnet Actions. Results of research activity under the Project will be published in forms of an article in scientific journal and a contribution to a book. Moreover, all outputs and outcomes of teaching activities and results of the planned events will be available through open educational resources, which will be freely available and promoted through open license and

without disproportional limitations. It will make the results of the Project open for wide-range students, teachers, researchers and civil society.

The “overflow effect” of study of the European Union Law with the help of Jean Monnet programs gave the Integration and European Law Department of O.E. Kutafin Moscow State Law University not only the stimulus to study general laws of integration, but also an absolutely new for Russia problem of legal regulation of scientific and technological progress. This gave rise to a creation of a new master’s program “Lawyer in Science and Technology” in our University which is again the first on the post-Soviet area.

And in this sphere we again find invaluable legal material and new ideas in most advanced law of the European Union and hope for further fruitful cooperation with Jean Monnet programs.

Калиниченко П.А.

д.ю.н., профессор, кафедра Жана Монне

профессор кафедры интеграционного и европейского права

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Современные правовые аспекты отношений между Россией и Европейским Союзом (2017–2018 гг.)

1. Вводные замечания. Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским Союзом продолжает свое развитие на общем фоне ухудшения взаимоотношений, продолжающегося с 2014 г. Политические санкции Европейского Союза, принятые на заседании Европейского Совета в марте 2014 г. в качестве реакции на действия России в Крыму, заморозили все переговорные треки по заключению новых соглашений между Россией и ЕС, в частности, переговоры по новому базовому соглашению, переговоры по модернизации Соглашения о визовом упрощении 2006 г., переговоры по заключении Соглашения о сотрудничестве правоохранительных органов, которое пришло бы на смену Соглашению о сотрудничестве с Европолом 2003 г. Вместе с тем, заморозив переговоры, ни одна из Сторон не прибегла к денонсации каких-либо соглашений, заключенных прежде. Все соглашения, составляющие правовую основу взаимоотношений между Россией и Европейским Союзом *mutatis mutandis* применяются в действующей политической ситуации.

2. Базовое соглашение. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским Союзом 1994 г. (СПС) по-прежнему находится в силе. Положения СПС могут обладать прямым действием в правовом порядке Европейского Союза в соответствии с решением Суда ЕС по делу *Simutenkov*¹, а также в российской правовой системе в соответствии с

---

¹ Case C-265/03 *Simutenkov v Ministerio de Educación y Cultura, Real Federación Española de Fútbol* [2005] ECR I-2579.

правовой позицией Высшего Арбитражного Суда РФ по делу *Топол*², вынесенному в 2012 году. Однако, большинство положений СПС являются фактически утратившими силу (ФУС) после присоединения России к ВТО в 2012 г.

Введение Европейским Союзом политических санкций и ограничительных мер определенным образом затронуло положения СПС. Российская нефтяная компания «Роснефть» в деле *PJSC Rosneft Oil Company v Her Majesty's Treasury and Others*, рассматриваемом в Лондонском окружном суде, оспорила в 2015 г. ограничительные меры ЕС и их исполнение в Великобритании. Среди доводов истца прозвучало, что подобные ограничительные меры Европейского Союза не соответствуют положениями СПС. Британский суд обратился с преюдициальным запросом с Суд ЕС в Люксембурге, в котором среди прочего запросил о соответствии европейских ограничительных мер обязательствам по СПС. Суд ЕС 28 марта 2017 г. вынес решение по делу *C-72/15 Rosneft*³, в котором обосновал правомерность ограничительных мер со стороны ЕС в соответствии с пунктом 1 (d) ст. 99 СПС. Данный пункт указывает, что каждая из Сторон СПС вправе принимать любые меры «в случае серьезных внутренних нарушений, затрагивающих поддержание закона и порядка, во время войны или серьезного обострения международной напряженности, представляющего собой угрозу войны, или в целях выполнения обязательств, которые она взяла в целях поддержания мира и международной безопасности». Таким образом, во второй раз после дела *Simutenkov* Суд ЕС обратился к СПС с Россией и применил его положения в правопорядке Европейского Союза.

3. Секторные соглашения. Все секторные соглашения, находившиеся в силе на февраль 2014 г. сохраняют свое действие на настоящий момент. На протяжении 2017-2018 гг. наблюдалось применение ряда соглашений на

---

²Решение Высшего Арбитражного Суда России от 1 октября 2012 г., дело N 6474/12.

³Case C-72/15, *PJSC Rosneft Oil Company v Her Majesty's Treasury and Others* [2017] ECLI:EU:C:2017:236.

локальном уровне. На 100% продолжают применяться соглашения между ЕС и Россией, затрагивающие сферу научных исследований и технологического развития. Во-первых, Совместный комитет Россия-ЕС в области науки и технологического развития, созданный на основе Соглашения о сотрудничестве в области науки и технологического развития 2000 г., пролонгированного в 2014 г, является практически единственной совместной структурой между Европейским Союзом и Россией, которая продолжает свою работу после 2014 г. Во-вторых, в рамках собственных программ научных исследований и технологического развития, ЕС продолжает финансирование совместных проектов с российскими научными учреждениями (например, в рамках проекта CREMLIN, который завершился в 2018 году, но имеет все шансы на продление). В-третьих, Европейский Союз продолжает активное сотрудничество с Россией через своих аффилиатов, с которыми Россия также заключила ряд соглашений до 2014 г. Это Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом) и Европейское космическое агентство (ЕКА), которые сейчас формально не включаются в ЕС, но находятся на близкой к нему «орбите» взаимодействия.

4. Практика Суда Европейского Союза. В праве Европейского Союза особое значение для отношений между ЕС и Россией имели три решения, вынесенные в прошлом году Судом ЕС. Все они связаны с оспариванием российскими физическими и юридическими лицами ограничительных мер, наложенных Европейским Союзом в 2014 г.

В деле *Almaz-Antey*⁴ Трибунал (первая инстанция Суда ЕС) отклонил требования российской компании «Алмаз-Антей» и сохранил против нее ограничительные меры. Компания «Алмаз-Антей» является одним из крупнейших производителей вооружений в России, в частности, ракет «земля-воздух», которые находились в Донбассе в ходе конфликта в 2014 году. Российская компания отрицала прямое участие в процессе дестабилизации на Украине и потребовала размораживания своих активов за

---

⁴ Case T-255/15, *Almaz-Antey* [2017] ECLI:EU:T:2017:25.

2015-2016 годы. Трибунал не стал рассматривать подробно вопрос, касающийся производства оружия, поставляемого в Донбасс. Трибунал постановил, что риск незаконной деятельности компании может быть достаточным для принятия решения о замораживании своих активов.

В уже упомянутом выше деле по иску компании «Роснефть» Суд ЕС не анализировал конкретные причины и действия, побудившие к введению ограничительных мер Советом ЕС, а сослался на широкое усмотрение полномочий Совета принимать политические меры в контексте общей внешней политики и политики безопасности. Фактически, Суд прибегнул к доктрине «политического вопроса», устранившись от толкования учредительных договоров ЕС и соответствующих актов Совета.

В деле *Kiselev*⁵ Трибунал также отклонил все претензии заявителя. Казалось, что требование российского проправительственного журналиста Дмитрия Киселева должно быть удовлетворено на фоне решения по делу *Mikhalchanka*⁶, согласно которому Трибунал исключил его белорусского коллегу из санкционного списка ЕС. Однако, Трибунал указал, что в случае с Киселевым имеет место совсем другая ситуация. В частности, Трибунал постановил, что применяемый Советом к заявителю критерий «активной поддержки», шире, чем критерий, основанный на ответственности в случае Михалчанка. Кроме того, ограничения, налагаемые европейским законодательством, не мешают журналистской деятельности Киселева в России и не нарушают его права выражать свое мнение, как гражданина России в его государстве.

Эти три дела принесли разочарование для российских граждан и компаний, пострадавших от ограничительных мер ЕС. В настоящее время все дальнейшие попытки оспаривать ограничительные меры, введенные в связи с ситуацией вокруг Крыма и на Донбассе, будут, в целом, бесполезны. Все претензии такого рода будут отклонены в соответствии с выводами по

---

⁵ Case T-262/15, *Kiselev* [2017] ECLI:EU:T:2017:392.

⁶ Case T-693/13, *Mikhalchanka* [2016] ECLI:EU:T:2016:283.

вышеперечисленным делами на основе устоявшейся практики Суда ЕС. Четыре однотипных негативных решения Трибунала, вынесенные 13 сентября 2018 г. в отношении претензий российских компаний, тому яркое подтверждение⁷.

5. Практика российских судов. В практике российских судов наблюдается количественный рост дел, в которых отечественные суды применяют и ссылаются на право Европейского Союза, включая учредительные договоры ЕС, соглашения с Россией, законодательство ЕС и прецедентное право Суда ЕС. Только прецедентное право Суда ЕС употреблялось российскими судами при вынесении решений 13 раз за период 2017-2018 гг. (из них - один раз Верховным Судом России и, впервые, в судах общей юрисдикции)⁸. Продолжаются тщетные попытки российских предприятий оспорить контрсанкции в отношении товаров из стран ЕС. Так, в марте 2017 года Верховный Суд рассмотрел иск компании «Октобл»⁹ против решения таможенного органа, основанного на Постановлении Правительства РФ об экономических контракциях. Как и в ранее в подобных делах, Верховный суд отклонил иск.

6. Разрешение споров в рамках ВТО. 27 января 2017 года Орган по разрешению споров вынес решение, в котором удовлетворил претензии ЕС к России в отношении антидемпинговых пошлин на легкие коммерческие транспортные средства из Германии и Италии, введенные в 2013 году Евразийской экономической комиссией. Россия обращалась через месяц в Апелляционный орган ВТО. 8 апреля 2018 г. Апелляционный орган ВТО подтвердил решение арбитров ВТО. Кроме того, 3 января 2018 г. в Орган по разрешению споров ВТО вторично было передано дело по претензиям ЕС к России в связи с введением защитных мер в отношении экспорта свинины из

---

⁷ Case T-515/15, Almaz-Antey II [2018] ECLI:EU:T:2018:545; Cases T-735/14 and T-799/14, Gazprom Neft [2018] ECLI:EU:T:2018:548; Case T-734/14, VTB Bank [2018] ECLI:EU:T:2018:542; Case T-732/14, Sberbank [2018] ECLI:EU:T:2018:541; Case T-715/14, Rosneft and others [2018] ECLI:EU:T:2018:544.

⁸ Определение Верховного Суда России от 6 Мая 2017 г., дело N 305-ЭС16-18302; Апелляционное определение Московского городского Суда от 14 ноября 2017 г., дело N 33-41219/2017.

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 03.03.2017 N 305-АД17-43 по делу N А40-146689/2015.

ЕС в Россию в начале 2014 г. Правомерность претензий ЕС уже были подтверждены Апелляционным органом ВТО в 2017 г. В феврале 2018 года обе Стороны запросили Орган по разрешению споров о консультациях.

7. Заключение. Несмотря на продолжающуюся заморозку партнерства на политическом уровне и сохранение взаимных экономических санкций, Россия и ЕС активно взаимодействуют друг с другом по ряду направлений, что отражается в применении Базового соглашения Сторон, секторных соглашений, развитии и расширении практики Суда ЕС по российским делам, росте практики российских судов с применением европейских норм, а также продолжением практики разрешения торговых споров между ЕС и Россией в рамках ВТО.

Слепак В.Ю.
кандидат юридических наук,
заместитель заведующего кафедрой
интеграционного и европейского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Некоторые аспекты договорно-правового регулирования отношений в сфере «мегасайенс» в ЕС и США

Задачи, стоящие перед крупными научными объединениями, в том числе в сфере мегасайенс, обычно направлены на обеспечение интересов государства в целом, поэтому одним из наиболее часто встречающихся оснований для возникновения правоотношений в данной сфере выступают государственные контракты. Именно о них в настоящей статье и пойдет речь.

Правовой основой для большинства государственных закупок, в том числе в сфере науки, в Европейском Союзе выступает Директива Европейского парламента и Совета 2014/24/EU о государственных закупках¹⁰. При этом в силу ст. 14 данной директивы она применяется к научным исследованиям при соблюдении двух условий: результатом работ/услуг будет пользоваться непосредственно заказчик в собственных целях и услуги подлежат оплате непосредственно заказчиком. В остальных случаях согласно ст. 2 Договора о функционировании Европейского Союза эти вопросы будут регулироваться национальным правом.

Как и в Российской Федерации, установление условий контракта является прерогативой государственного заказчика. По общему правилу, в силу принципа прозрачности государственных закупок, информация о договорных условиях наряду с иными сведениями, необходимыми для участия в закупке, размещается еще на самом первом этапе закупки - публикации сообщения о проведении тендера.

---

¹⁰Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement and repealing Directive 2004/18/EC (OJ L 94, 28.3.2014, p.65-242)

В целом закупочные процедуры весьма сходны с теми, которые установлены в Федеральном законе от 05.04.2013 N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"¹¹. В настоящей работе хотелось бы остановиться на нехарактерных для российского законодательства формах.

Помимо стандартных контрактов Директива 2014/24/EU предусматривает возможность заключения с использованием предусмотренных директивой закупочных процедур рамочных соглашений между заказчиками и участниками (и тех и других может быть и несколько в каждой сделке) на срок до 4 лет (за некоторыми исключениями, оправдываемыми, например, предметом закупки).

Если стороной рамочного соглашения является лишь один подрядчик, то с ним заключается отдельный контракт полностью на условиях рамочного соглашения. При наличии такого соглашения с несколькими участниками торги заново тоже не проводятся, а победитель определяется из числа участников рамочного соглашения на основании условий соглашения, если оно охватывает все необходимые условия выполнения работ или оказания услуг (в противном случае возможно проведение дополнительных торгов, хотя они возможны и при достаточно полном описании необходимых условий, если соответствующая норма прямо предусмотрена рамочным соглашением).

Еще одной интересной формой закупок в сфере науки является инновационное партнерство. К такой форме прибегают в случае необходимости получения нового, инновационного продукта, который на момент проведения закупки отсутствует на рынке.

При использовании данной формы заказчик устанавливает требования как к результату подлежащих проведению исследований (что необходимо для принятия решения о возможности проведения необходимого исследования), так и к самим участникам закупки (после допуска к торгам

---

¹¹ "Собрание законодательства РФ", 08.04.2013, N 14, ст. 1652

единственным критерием уже будет являться предложенная соответствующими условиям допуска участниками цена). Однако данные условия не могут являться предметом переговоров с участниками закупки и устанавливаются исключительно государственным заказчиком.

Сами предусмотренные контрактом исследования разбиваются на этапы, в рамках которых должны быть достигнуты промежуточные цели. По итогам возможно расторжение контракта еще до момента его окончательного исполнения, если достигнутые результаты не соответствуют запросам заказчика.

Инновационное партнерство может быть доступно более чем одному подрядчику, однако каждый из подрядчиков обязан проводить самостоятельные исследования. Однако же заказчик обязан обеспечить недискриминационное обращение с такими подрядчиками, а также конфиденциальность передаваемых ими в ходе исполнения контракта сведений (в том числе и результатов работ, выполненных другими участниками). В ходе исполнения контракта также заказчик может сократить число участников, пропорционально оплатив уже проведенные исследования.

С участником, достигшим наиболее близкого к запросам заказчика результатам, может быть заключается контракт на поставку товаров, работ, услуг, изготовленных или оказываемых благодаря результатам проведенного исследования.

Особое внимание в рамках данной процедуры уделяется правам на результаты интеллектуальной деятельности. Во-первых, соглашение не должно включать в себя общий отказ участника от прав на достигнутые результаты, а предусматривать передачу прав со ссылками на намерение передать конкретную информацию по результатам проведения исследования. Во-вторых, как уже отмечалось выше, результаты работ, полученные одним из участников, не могут быть переданы заказчиком остальным участникам.

Как мы видим, основная часть условий о содержании контракта определяется заказчиком (исключение составляет рассмотренная выше процедура конкурентного диалога, но она носит исключительный характер), а сам участник может преимущественно влиять на цену (собственно, цена в большинстве случаев является определяющим критерием для определения победителя закупки), либо же технические показатели, наличие и условия гарантийного обслуживания и технической помощи, сроки окончания работ, отличающиеся от минимальных показателей, установленных заказчиком.

Тем не менее, в сфере науки даже квалифицированный государственный заказчик зачастую имеет лишь самое общее представление о конечной цели исполнения контракта и может весьма смутно представлять конкретные показатели, которые в итоге должны быть зафиксированы в государственном контракте. В этом случае допускается применение процедуры конкурентного диалога, используемой при заключении сложных контрактов, т.е. контрактов, при заключении которых заказчик не в состоянии самостоятельно объективно оценить технические характеристики контракта. В рамках данной процедуры государственный заказчик проводит переговоры не менее чем с тремя допущенными участниками в целях поиска удовлетворяющих заказчика вариантов технического задания. Такие переговоры могут проходить в несколько этапов, пока не будут найдены необходимые технические и иные решения.

После проведенных переговоров каждый из участников должен представить свою окончательную заявку, которая впоследствии может быть уточнена без внесения изменений в основные положения. Присуждение контракта при проведении данной процедуры возможно исключительно на основании критерия наиболее экономически выгодной заявки. Необходимо учитывать, что использование данной процедуры допускается лишь при невозможности провести открытый конкурс или ограниченные торги ввиду сложности предмета контракта, однако именно такая процедура дает возможность участнику наиболее полно влиять на условия контракта.

В любом случае заключаемые государственные контракты преимущественно регламентируются нормами национального права. Директива лишь предусматривает процедуры заключения таких контрактов, а также отдельные условия, касающиеся исполнения контрактов, внесения изменений в уже заключенные контракты и регламентирующие возможность привлечения соисполнителей.

В отношении условий исполнения контракта Директива 2014/24/EU содержит весьма расплывчатые формулировки. Ст. 70 Директивы наделяет государственного заказчика правом устанавливать в контракте условия его исполнения, связанные с, в том числе, инновационными аспектами деятельности, однако при условии, что такие требования тесно связаны с предметом контракта, включая факторы, связанные с особенностями выполнения работ по контракту.

Более подробные требования устанавливаются в Директиве 2014/24/EU в отношении изменения контракта.

Как и в российском законодательстве¹², по общему правилу внесение изменений в заключенный контракт не допускается. Однако ст. 72 Директивы 2014/24/EU устанавливает ряд исключений.

Первая группа исключений соответствует тем, которые предусмотрены и российским законодательством: цена вносимых изменений не должна превышать установленные Директивой минимальные пороги и должны составлять не более 10% от изначальной стоимости контракта для поставки работ и оказания услуг и не более 15% для выполнения работ.

Вторая группа исключений позволяет отступать от вышеуказанных лимитов по цене и касается ситуаций, когда существенно меняются обстоятельства, при которых заключался контракт или рамочное соглашение.

Во-первых, без проведения торгов возможно внесение изменений в контракт или рамочное соглашение без ограничения по цене при наличии

---

¹² Ст. 95 Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"

соответствующих условий в закупочной документации, при условии, что такие условия являются четкими и безусловными, устанавливают предмет и природу возможных изменений, основания, когда такие условия могут быть применены, но в любом случае такие изменения не должны коренным образом менять природу уже заключенного контракта.

Во-вторых, без проведения дополнительных закупочных процедур допускается внесение изменений в части проведения дополнительных работ, изначально не предусмотренных закупочной документацией, если смена подрядчика невозможна по экономическим или техническим причинам и повлечет собой существенные сложности или существенное увеличение затрат заказчика. При этом изменения должны быть непредвиденными и не должны затрагивать природу обязательств. Однако увеличение цены не может превышать 50% от первоначальной цены контракта (если изменения вносятся неоднократно, то именно совокупное изменение цен не должно превышать указанный лимит).

В-третьих, если изменения, вне зависимости от их цены, не являются существенными, т.е. вносимые поправки существенно не изменяют существо обязательств, изначально предусмотренных контрактом или рамочным соглашением.

В-четвертых, изменения возможны при замене подрядчика или при наличии соответствующих условий в закупочной документации, при условии что такие условия являются четкими и безусловными или при универсальном или сингулярном правопреемстве вследствие корпоративной реструктуризации (в том числе слияний, поглощений, банкротных процедур), если правопреемник отвечает требованиям, предъявлявшимся к участникам закупки или если заказчик принимает на себя обязательства генерального подрядчика в отношении привлеченных субподрядчиков.

Привлечение субподрядчиков допускается при их соответствии требованиям закупочной документации. При этом в самой закупочной документации заказчика вправе (а в ряде правопорядков обязаны)

устанавливать ограничения по объему передаваемых на субподряд исследовательских работ. В любом случае информация о привлеченных субподрядчиках должна быть раскрыта заказчику как минимум на стадии исполнения контракта.

Привлеченные субподрядчики могут направлять запросы об оплате выполненных ими работ непосредственно заказчиком (если это позволяет характер контракта), что существенно улучшает положение субподрядчика, снижая риски неоплаты со стороны генерального подрядчика (государств-члены также вправе предусмотреть возможность осуществления заказчиком прямых выплат субподрядчику даже без соответствующего запроса). Данный подход в принципе известен российскому праву, но непосредственно в законе данная норма не сформулирована, а лишь выводится судами исходя из толкования ст. 706 ГК РФ при только условии, что это предусмотрено договором генподряда или трехстороннего соглашения между заказчиком, генеральным подрядчиком и субподрядчиком¹³.

Вопросы прекращения контракта или рамочного соглашения урегулированы в ЕС так же, как и в российском законодательстве. По общему правилу, обязательство прекращается надлежащим исполнением, однако возможно досрочное прекращение контракта, когда заказчик перестал соответствовать критериям допуска к торгам либо существенно меняются условия, что требует проведения новой закупки. Необходимо учитывать, что приведенные выше основания установлены непосредственно директивой о государственных закупках, в то время как наряду с этими положениями подлежат применению нормы национального права, регламентирующие возможность одностороннего отказа от контракта.

---

¹³ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 N 51, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.04.2018 по делу N 307-ЭС17-19861, А56-40013/2016.

Камалян А.М.
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры
интеграционного и европейского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ЕС вкладывает средства в КРЕМЛЬ: проект CREMLIN как пример сотрудничества в условиях санкций

После известных событий 2014 г. отношения между ЕС и Россией резко ухудшились, были прекращены контакты и приостановлено сотрудничество по многим направлениям. «Россия более не является стратегическим партнером Европейского Союза» — именно такую риторику все чаще приходится слышать от официальных лиц. Тем не менее, говорить о полном разрыве отношений не приходится. В ряде сфер (например, космическая отрасль, наука и технологии) сотрудничество между сторонами продолжается, причем довольно успешно. Довольно ярким примером такого сотрудничества в условиях «санкционного режима» можно считать совместный проект CREMLIN (Connecting Russian and European Measures for Large-scale Researches Infrastructure – Соединяя российские и европейские меры для инфраструктуры широкомасштабных исследований)¹⁴.

Еще в 2011 г. в России объявили о запуске 6 мегасайнс-проектов для повышения вклада российских ученых в общемировые научные достижения и имиджа российской науки в целом, а именно: (1) коллайдер NICA; (2) исследовательский ядерный реактор ПИК; (3) высокомощный лазерный комплекс XCELS; (4) коллайдер Супер-чарм-тау фабрика; (5) рентгеновский источник синхротронного излучения четвертого поколения (ИССИ-4); и (6) термоядерный реактор ИГНИТОР. Все проекты изначально были рассчитаны на потенциальное партнерство с иностранными партнерами.

---

¹⁴ Сведения о проекте на официальном сайте Европейской комиссии // URL: <https://cordis.europa.eu/project/rcn/194943/factsheet/en> (дата обращения: 27.04.2019).

Европейское научное сообщество выступило в поддержку участия в этих проектах, особо акцентируя внимание на их потенциале, и рекомендовало Европейской комиссии рассмотреть возможность участия.

Проект CREMLIN был запущен в 2015 г. сроком на 3 года в рамках Рамочной программы исследований и инноваций Horizon 2020, учрежденной Регламентом Европейского Парламента и Совета № 1291/2013 от 11 декабря 2013 г.¹⁵ и рассчитанный на период 2014-2020 гг. Участниками проекта стали 19 исследовательских центров России (6) и Европы (13).

Проект был направлен, прежде всего, на развитие и укрепление отношений между европейскими и российскими исследовательскими центрами как в научной сфере, так и в области исследовательской политики. Речь идет, в том числе, о таких аспектах, как использование инфраструктуры, включая электронную инфраструктуру и обработку большой информации (big data handling); развитие исследовательской политики в отношении между ЕС и Россией, в частности, выработка рекомендаций и стратегий для более глубокого сотрудничества; создание платформы для обмена научными открытиями и результатами в рамках каждого российского мегасайнс-проекта, а также стимулирование процесса взаимного обучения. Объем инвестирования со стороны Европейского Союза составил 1 696 250 евро, что по сравнению с другими проектами в рамках программы Horizon 2020 представляет относительно незначительную сумму (для сравнения, вклад ЕС в исследование изменений Арктики составил 15 490 066 евро, а в клинические исследования — 7 999 930 евро).

На итоговой конференции проекта, которая состоялась 5 июня 2018 г. в немецком Гамбурге по итогам реализации проекта, учеными были подготовлены и озвучены первые рекомендации для взаимодействия между Россией и ЕС в области мегасайнс¹⁶. При этом рекомендации носили как

---

¹⁵ Regulation (EU) No 1291/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 establishing Horizon 2020 - the Framework Programme for Research and Innovation (2014-2020) and repealing Decision No 1982/2006/EC Text with EEA relevance (*OJ L 347, 20.12.2013, p. 104–173*).

¹⁶ Официальный сайт проекта CREMLIN // URL: <https://www.cremlin.eu/> (дата обращения: 27.04.2019).

общий характер и относились в целом к сотрудничеству России и ЕС в данной области, так и специальный характер по каждому отдельно взятому проекту.

В числе общих рекомендаций отмечается, в частности, приверженность дальнейшему сотрудничеству между российским и европейскими учеными, в том числе выходящему за рамки вышеуказанных 6 мегасайнс-проектов. Ученые подчеркнули необходимость обеспечения доступа к российской научной инфраструктуре и отметили глобальную тенденцию «интернационализации» научных комплексов. Предполагается, что и российские ученые также получают доступ к европейской инфраструктуре на условиях принципа взаимности. В этой части ученые предлагают разработать комплексный подход в определении порядка и условий доступа европейских и международных исследователей к российским центрам, разработать своего рода «Российскую Хартию Доступа». Кроме того, рекомендуется установить программу обмена между российскими и европейскими научными и исследовательскими центрами на всех уровнях, а также организовывать совместные мероприятия (летние школы, семинары, и пр.) для обмена опытом и лучшими практиками.

Необходимо особо отметить, что данные рекомендации научного сообщества представляют собой отличную возможность для юристов внести свой вклад в развитие науки и технологий. Сегодня, как уже отмечалось, отношения между Россией и ЕС в целом не самые теплые. Основой правового регулирования взаимоотношений России и ЕС служат Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г.¹⁷, которое уже давно нуждается в качественном пересмотре, а также четыре «дорожные карты» 2004 г. об общих пространствах, в том числе в области исследований, образования и культуры, которые не имеют обязательной юридической силы и носят рекомендательный характер.

---

¹⁷ Собрание законодательства РФ, 20.04.1998, № 16, ст. 1802.

Кроме того, между Россией и ЕС в 2000 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области науки и технологий¹⁸, которое носит довольно рамочный характер. Соглашение заключалось сроком до 31 декабря 2002 г., с возможностью продления на последующие пятилетние периоды. Такое продление имело место в 2003¹⁹, в 2009²⁰ и в 2014²¹ годах, при этом обращает на себя внимание, что продление действия Соглашения зачастую происходило спустя некоторое время после его истечения, то есть в отдельные промежутки времени Соглашение не действовало. Также необходимо заметить, что срок действия последнего продления истек 20 февраля 2019 г., с тех пор отсутствует информация о его продлении²².

Таким образом, несмотря на напряженные отношения между Россией и ЕС, научные исследования остаются одной из немногих точек соприкосновения, по которым между сторонами продолжает развиваться сотрудничество. В то же время, правовая основа такого сотрудничества оставляет желать лучшего – «дорожная карта» не имеет обязательной юридической силы, а Соглашение носит рамочный характер и не всегда вовремя продлевается. Тем не менее, по итогам успешной реализации проекта CREMLIN научные сообщества обеих сторон ясно дали понять, что ожидают от политиков и юристов более конкретного и четкого регулирования, которое позволило бы вывести взаимодействие между российскими и европейскими исследовательскими центрами на качественно новый уровень.

---

¹⁸ Agreement on cooperation in science and technology between the European Community and the Government of the Russian Federation (*OJ L 299*, 28.11.2000, p. 15–21).

¹⁹ Agreement renewing the Agreement on cooperation in science and technology between the European Community and the Government of the Russian Federation (*OJ L 299*, 18.11.2003, p. 21–22).

²⁰ Council Decision 2009/313/EC of 30 March 2009 concerning the renewal of the Agreement on cooperation in science and technology between the European Community and the Government of the Russian Federation (*OJ L 92*, 4.4.2009, p. 3–4).

²¹ Council Decision 2014/50/EU of 20 January 2014 concerning the renewal of the Agreement on cooperation in science and technology between the European Community and the Government of the Russian Federation (*OJ L 32*, 1.2.2014, p. 1–2).

²² На сайте правовой информации ЕС EUR-Lex размещен датированный 1 апреля 2019 г. проект очередного решения Совета Европейского Союза о продлении договора и выполнении со стороны ЕС всех необходимых процедур // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CONSIL:ST_7683_2019_INIT&qid=1556374938152&from=EN (дата обращения: 27.04.2019).

Пожилова Н.А.
аспирант кафедры
интеграционного и европейского права
Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА)

Крылова М.С.
соискатель кафедры
интеграционного и европейского права
Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА)

Степанян А.Ж.
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
интеграционного и европейского права
Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА)

Современные подходы и модели регулирования в области цифровых технологий в государствах, международных организациях и интеграционных объединениях

Введение. Цифровая трансформация общества медленно, но верно проникает во многие отрасли народного хозяйства. Четвертая промышленная революция²³, (которая, строго говоря, возникла при еще неразвившейся третьей промышленной революции²⁴) обсуждается на многих уровнях как вызов обществу и юриспруденции, в частности. Каким образом можно регулировать цифровые технологии, стоит ли встраивать дополнительные нормы в существующее регулирование или же необходимо создать отдельную отрасль? Ответ на этот вопрос представляется не таким простым в силу комплексности права цифровых технологий, однако для подготовки

---

²³ Название пошло от федеральной программы Industrie 4.0 – Индустрия 4.0 в ФРГ, ставящей своей целью усилить и ускорить «оцифровку», «дигитализацию» промышленности. Сайт программы <https://www.plattform-i40.de> (Дата обращения 01.04.2019).

²⁴ Алексей Комиссаров. Четвёртая промышленная революция. Ведомости, № 3938 (14 октября 2015). (Дата обращения 01.04.2019).

ответа необходимо проанализировать некоторые из уже существующих подходов к моделированию регулирования, а также его источники.

Исследование проблематики. Некоторые исследователи²⁵ говорят об «Интернет-промышленном комплексе» как о сочетании правил, по которым сосуществуют бизнес, государства и другие субъекты принятия решений по управлению и развитию Интернета. Данная модель отдает предпочтение тем, кто действительно влияет на решения, относящиеся к тем или иным областям народного хозяйства, но слабо принимает во внимание отрасли экономики, не всегда прямо зависимые от эффективности работы Интернета и автоматизации, например, социальную политику, занятость, молодежную политику и другие.

Относительно новая, с 2010-х годов, модель регулирования, при которой законодательство, обычно не уточняя, каких именно областей права, представляется как написанная на языке программа, алгоритм которой сущностно и заложен для исполнения субъектами отношений. «[Программный] код – это право» – лозунг, закрепляющий тезис, что по своей сути действие объектов в Интернете – программ, сайтов подвергалось основному воздействию заложенных в их написанном программистами коде правилам и алгоритмам²⁶. Его следствие – «право [по сути законодательство] – это [программный] код» – концепция, по мнению авторов, в достаточной степени идеализирующая и упрощающая принцип построения системы законодательства, призывающая создавать законодательство по подобию программ для ЭВМ: со строгой логикой выполнения и получения результата.

Попытки осветить, формализовать возможные институты или события в области регулирования цифровых технологий приводят к появлению

---

²⁵Flyverbom, M., Deibert, R. and Matten, D. (2019) 'The Governance of Digital Technology, Big Data, and the Internet: New Roles and Responsibilities for Business', *Business & Society*, 58(1), pp. 3–19. doi: 10.1177/0007650317727540. // <https://doi.org/10.1177%2F0007650317727540> (Дата обращения 01.04.2019)

²⁶ De Filippi P, Hassan S. Blockchain technology as a regulatory technology: From code is law to law is code. arXiv preprint arXiv:1801.02507. 2018 Jan 8. // <https://arxiv.org/pdf/1801.02507> (Дата обращения 01.04.2019), Wu, Tim, When Code Isn't Law. *Virginia Law Review*, Vol. 89, 2003. // <https://ssrn.com/abstract=413201> (Дата обращения 01.04.2019)

интересных неологизмов-определений: например, «датафикация²⁷». Наличие таких явлений с уверенностью доказывает вероятную неспособность или же невозможность с помощью традиционной грамматики, лексики и этимологии описать существующие или будущие нормы поведения в цифровом, все более «онлайн» обществе. Множество становящимися популярными выражений, являющих смешение терминов из юриспруденции и технических наук, например, «технологический суверенитет»²⁸, «капитализм данных²⁹», лишь тому подтверждение.

Регулирование Интернета происходит в настоящее время на всех его инфраструктурных уровнях большей частью путем принятия стандартов или на основе таковых в международных или региональных саморегулируемых организациях, или профессиональных ассоциациях, в которых состоят, обычно, инженеры или специалисты по информатике. При этом роль государств вольно или невольно все больше влияет на деятельность таких организаций. Так, например, Европейский институт телекоммуникационных стандартов (ETSI) и Союз за решения в индустрии телекоммуникаций (ATIS) помогают (соответственно, в Европе и в США) определять стандарты сбора и передачи пользовательских данных в сетях государственным органам по их запросам.

Таким образом, регулирование происходит самостоятельно отраслью на основе ею же и вырабатываемых норм, однако, в большинстве своем не правовых, а технических. Более того, редки примеры эффективных межрегиональных организаций, успешно вырабатывающих кроме технических еще и существенные правовые или нормативные акты, что

---

²⁷ Ian M. Dunham (2015) Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think, The AAGReview of Books, 3:1, 19-21, DOI: 10.1080/2325548X.2015.985533 // <http://dx.doi.org/10.1080/2325548X.2015.985533> (Дата обращения 01.04.2019), Viktor Mayer-Schönberger, Kenneth Cukier, Big Data: A Revolution that Will Transform how We Live, Work, and Think Houghton Mifflin Harcourt, 2013 - Business & Economics – pp 73-98.

²⁸Deibert, R. (2015). The geopolitics of cyberspace after Snowden. Current History, 114(768), 9-15 // <https://doi.org/10.1057/s41311-017-0088-y> (Дата обращения 01.04.2019)

²⁹ West, Sarah Myers. “Data Capitalism: Redefining the Logics of Surveillance and Privacy.” Business & Society, vol. 58, no. 1, 2017, pp. 20–41., doi:10.1177/0007650317718185 // <https://doi.org/10.1177%2F0007650317718185> (Дата обращения 01.04.2019)

показывает приспособление отраслей к наличию того или иного действующего законодательства государства (США), интеграционного объединения (ЕС) или международной организации (ООН).

Источники регулирования. Одной из первых³⁰ системных инициатив стала программа Европейского Союза «Цифровой единый рынок». Избираясь в 2014 году главой Европейской комиссии, Жан-Клод Юнкер пообещал³¹ значительные законодательные шаги к цифровому единому рынку ЕС в таких областях как охрана данных, реформа телеком-отрасли, а также обновление правил защиты авторских прав и прав потребителей при покупках в Интернете. Спустя годы не будет преувеличением сказать, что реализация данной программы является самым масштабным комплексным механизмом по изменению законодательства с целью улучшения состояния дел в наукоемких, производственных и потребительских отраслях экономики в мире. Не ограничиваясь едиными жесткими рамками самой программы, используя инструменты *soft law*, такие как декларации и планы действий³², органы ЕС тем не менее принимали значительное количество рамочных и конкретных³³ актов в соответствующих областях, позволяя запускать программы по поддержке инициатив, экспериментальные правовые режимы на уровне ЕС и отдельных государств. Рамочные акты позволили учреждениям и институтам Союза быстро и эффективно запускать, и поддерживать финансированием и инфраструктурным обеспечением нужные для экономики ЕС проекты. Это также позволило параллельно обеспечивать потребителям комфортную для проживания среду, что прямо повышало их

---

³⁰ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions A Digital Single Market Strategy for Europe // COM/2015/0192 final // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1447773803386&uri=CELEX:52015DC0192> (Дата обращения 01.04.2019)

³¹ Jean-Claude Juncker, Political Guidelines for the next European Commission – A New Start for Europe: My Agenda for Jobs, Growth, Fairness and Democratic Change, 22.10.2014, p. 5 // <https://www.eesc.europa.eu/resources/docs/jean-claude-juncker---political-guidelines.pdf> (Дата обращения 01.04.2019)

³² Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions EU eGovernment Action Plan 2016-2020 Accelerating the digital transformation of government // COM/2016/0179 final // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52016DC0179> (Дата обращения 01.04.2019)

³³ Council Regulation (EU) 2018/1488 of 28 September 2018 establishing the European High Performance Computing Joint Undertaking. *OJL* 252, 8.10.2018, p. 1–34 (Дата обращения 01.04.2019)

уровень жизни. Таким образом, комбинируя акты мягкого права и традиционные нормативные акты, Европейский Союз добился значительных успехов в регулировании цифровых технологий как на своем уровне, так и в государствах-членах и их объединениях в проектах.

Среди последних инициатив Европейского Союза в регулирования возрастающей «цифровизации экономики» (еще один термин, прочно вошедший в текущий оборот, как производное от английского «digitalization»³⁴) важно отметить так называемый «План FinTech» по созданию более конкурентоспособного и инновационного финансового сектора в Европе³⁵. В связи с тем, что финансовый сектор, в принципе, является крупнейшим пользователем цифровых технологий и представляет собой ведущий драйвер цифровой трансформации экономики и общества, использующий такие механизмы как цифровая идентификация, мобильные приложения, облачные вычисления, аналитика больших данных, искусственный интеллект, блокчейн, краудфандинг и технологии распределенных регистров, показательным является, среди прочего и то, какие формы выражения норм права используют институты Европейского Союза.

Так, в частности, для регулирования вопроса с предоставлением цифровых услуг по краудфандингу не случайно в качестве акта вторичного права, призванного унифицировать существующие режимы коллективного финансирования посредством использования информационных технологий, Комиссией ЕС был предложен именно регламент как более жесткая форма нормативного контроля³⁶.

---

³⁴ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. №10 (118). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-ee-vliyanie-na-rossiyskuyu-ekonomiku-i-obschestvo-preimuschestva-vyzovy-ugrozy-i-riski> ((Дата обращения 01.04.2019)

³⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions FinTech Action plan: For a more competitive and innovative European financial sector // COM/2018/0109 final// <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018DC0109> (Дата обращения 01.04.2019)

³⁶ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Crowdfunding Service Providers (ECSP) for Business // COM/2018/0113 final - 2018/048 (COD) // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018PC0113> (Дата обращения 01.04.2019)

В Российской Федерации представляется необходимым отметить законопроект Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»³⁷. Являясь самим по себе актом прямого действия, законопроект, будучи принятым, даст при возможности сотрудничества государственных органов: уполномоченного по вопросам экспериментальных режимов и регулирующего – создавать экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых технологий. Представляется важным то, что данный акт является рамочным, но именно он дает возможность вообще тестировать в гражданском обороте цифровые технологии и их результаты.

Организация объединенных наций имеет как инструмент развития регуляторной цифровой среды дочерние организации, такие как Международный союз электросвязи. При этом основной орган ООН Генеральная Ассамблея играет активную роль в развитии регулирования информационно-коммуникационных технологий путем принятия резолюций. В них указываются принципы, на основании которых государствам-членам ООН рекомендуется строить правоотношения. Так, в частности, в области достижений в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности резолюции неоднократно констатировали повышающуюся актуальность вопросов безопасности цифровых технологий, а также содержали рекомендации по увязыванию таких вопросов с нормами международного права³⁸. Заслуживает внимания попытка в 2018 году создать Международный кодекс поведения для обеспечения международной информационной безопасности³⁹ – акт, на основании которого государствам предлагается использовать цифровые технологии также во благо других государств и общества в целом, не злоупотреблять ими.

---

³⁷ Проект Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // http://static.consultant.ru/obj/file/doc/fz_140119.rtf (Дата обращения 01.04.2019)

³⁸ Например, резолюция 64/211 Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 2009 года, озаглавленная «Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур» // <https://undocs.org/ru/A/RES/64/211> (Дата обращения 01.04.2019)

³⁹ А/С.1/73/L.27 Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности // <http://www.telecomlaw.ru/news/N1832136info.pdf> (Дата обращения 01.04.2019)

Анализ и выводы. Исходя из представленных моделей и источников регулирования представляется целесообразным их структурировать и классифицировать по различным аспектам.

Наличие в модели регулирования «законодательной инфраструктуры» – рамочных актов, актов мягкого права – по мнению авторов позволяет ускорить принятие необходимого для перехода в цифровое общество актов по вопросам цифровых технологий, и, следовательно, ускоряет трансформацию экономики, что положительно характеризует такие модели.

Международные модели регулирования построены по принципу рекомендаций и частично обращены к государствам, что не всегда позволяет быстро ощутить эффект от принятия таких актов. Нестабильная политическая обстановка лишь замедляет результат правоприменения. Однако нельзя не уточнить, что несмотря на отсутствие скорости получения гражданами каких-либо следствий принятия таких актов, они положительно влияют на деятельность правительств, являясь препятствиями нарушения прав граждан, что, в свою очередь так или иначе положительно сказывается на цифровой жизни обывателей, а также цифровизации различных коммерческих и некоммерческих секторов экономики.

Стоит отметить достоинство «сетевых», не существующих в государствах, международных организациях и интеграционных образованиях, а предлагаемых учеными и практиками моделей регулирования, так или иначе взятых из мира техники. Они во многом универсальны в любом масштабе и уровне регулирования: национальном, международном и интеграционном. Особую эффективность, по мнению авторов, они могут представлять именно в интеграционных образованиях в связи с их гибкостью и возможностью для государств, регионов или даже определенных территорий многоскоростной интеграции. При этом, безусловно, необходимо выявить и охарактеризовать особенности, преимущества и недостатки различных подходов, что является темой для отдельного исследования и публикации его результатов.

Мало разработана в научной литературе модель интеграций социальных, демографических или иных групп населения кроме моделей регулирования в виде саморегулируемых организаций.

Указанная систематизация представляет достаточный интерес для будущих исследований, т.к. дает возможность изучения того, как в регуляторной модели цифровых технологий осуществляется интеграция социальных или иных групп населения, объединенных общими идеями или иными интересами в области цифровых технологий (например, просто их пользователи), и лиц, населяющих определенные территории. Сочетание указанных критериев позволяет увеличить эффективность защиты прав данных субъектов в «оффлайн»-пространстве, а также способствует повышению результативности правоприменения и росту правовой культуры в их «онлайн»-активности.

Заплатаина Т.С.
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры
интеграционного и европейского права
Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА)

Соотношение вопросов правового регулирования искусственного интеллекта и персональных данных в Европейском Союзе

Рассуждая над правовыми проблемами использования Искусственного интеллекта (ИИ, англ. Artificial Intellect (AI)) в различных сферах общественной жизни, важно иметь представление о его сущности, протекающих в рамках него информационных процессах. Так, в доктрине существует ряд позиций, рассматривающих те или иные ключевые составляющие ИИ, например, Д. Нильссон⁴⁰ разбивает его на искусственный компонент (т.е. сама машина) и интеллект, как процесс обработки информации, подобно человеческому мышлению. Он считает, что с ростом сложности машины увеличивается её интеллект. Д. Винсент⁴¹ отмечает, что одна из трудностей в использовании термина ИИ состоит в том, что его сложно определить. Фактически, как только машины стали справляться с задачей, которую раньше могли выполнять только люди решение подобных задач перестало считаться признаком интеллекта. Б. Коппин⁴² определяет ИИ как включающий в себя использование методов, основанных на интеллектуальном поведении людей для решения сложных проблем.

Итак, ИИ можно отнести к любому механизму или алгоритму, который способен наблюдать за окружающей средой, обучаться и, основываясь на полученных знаниях и опыте, предпринимать разумные действия или

---

⁴⁰ Nilsson, N. J. (1998). Artificial intelligence: a new synthesis. Elsevier. P. 5.

⁴¹ Vincent, J. (2016, February 29). What counts as artificially intelligent? AI and deep learning, explained. Retrieved. URL: <https://www.theverge.com/2016/2/29/11133682/deep-learning-aiexplained-machine-learning> (дата обращения 20.02.2019).

⁴² Coppin, B. (2004). Artificial intelligence illuminated. Jones & Bartlett Learning. P. 4.

предлагать решения. Искусственный интеллект (ИИ) - это широкое понятие, относящееся к технологиям или системам, позволяющим компьютеру выполнять задачи, связанные с моделированием человеческого интеллекта, включая принятие решений или обучение. Для этого технология или система собирает большие объемы данных (называемых большими данными), а именно личные данные. По этой причине, все страны, разрабатывающие стратегии ИИ, повышают ценность данных. Разработка таких стратегий не легка, потому что они должны сбалансировать часто конкурирующие интересы между открытием доступа к данным для продвижения инноваций и прозрачности, и ограничением его для защиты частной жизни и коммерческой конфиденциальности⁴³.

В этой связи, искусственный интеллект и защита персональных данных взаимосвязаны. Рассматривая вопросы данных ИИ с позиции европейского законодательства следует отметить, что на искусственный интеллект, как механизм по обработке данных, в том числе персональных, будет распространяться Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46/ЕС⁴⁴ (Регламент о защите данных (GDPR)).

В этом аспекте следует рассмотреть некоторые проблемы и особенности действия Регламента (ЕС) 2016/679. Во – первых следует отметить, что Регламент (ЕС) 2016/679 применяется, когда контроллер или процессор данных учрежден в Европейском союзе (ЕС), или, когда действия по обработке относятся к субъектам данных в ЕС (статья 3 Регламента (ЕС) 2016/679), т.е. нормы Регламента могут также распространяться на контроллеров и процессоров данных за пределами ЕС. Таким образом, компании, использующие искусственный интеллект, за пределами ЕС также

---

⁴³Joint Research Centre: Artificial Intelligence. A European Perspective. URL: http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC113826/ai-flagship-report_online.pdf (дата обращения 20.02.2019).

⁴⁴ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // *OJ L 119*, 4.5.2016, p. 1–88.

должны выполнять обязательства Регламент (ЕС) 2016/679 в аспекте обработки данных и должны подумать о том, заинтересованы ли они в этом, и если да, то как ему соответствовать.

Тем более важно, учитывая тот факт, что контроллеры данных будут подчиняться принципу подотчетности (статья 24 Регламента (ЕС) 2016/679). На практике это означает «принять соответствующие технические и организационные меры» для обеспечения соответствия требованиям Регламента (например, шифрование или псевдонимизация). Эти меры будут определяться в каждом конкретном случае в зависимости от типа бизнеса, количества субъектов данных, типа обрабатываемых данных и так далее.

Соответствующие меры также должны быть определены путем проведения оценки воздействия на защиту данных, когда обработка «может привести к высокому риску для прав и свобод физических лиц» в отношении характера, объема, контекста и целей обработки. (статья 35 Регламента (ЕС) 2016/679). 4 октября 2017 года Рабочая группа по Регламенту (ЕС) 2016/679 опубликовала руководящие принципы, касающиеся оценки воздействия на защиту данных. Это новое обязательство в соответствии с Правилами усиливает ответственность контроллеров данных. На практике контроллеры данных должны адаптировать свои процедуры в соответствии с Правилами и включить или изменить свои организационные и технические меры.

Проводя более углублённый анализ влияния Регламента (ЕС) 2016/679 на информационные процессы в рамках искусственного интеллекта следует отметить, что в статье 5 Регламента (ЕС) 2016/679 перечислены принципы, касающиеся обработки персональных данных. Это означает, что персональные данные должны обрабатываться прозрачным образом по отношению к субъекту данных. *В этой связи возникает вопрос, как технологии искусственного интеллекта могут обеспечить прозрачность для пользователей?* Европейский супервизор по защите данных выявил две проблемы: компании могут не захотеть раскрывать информацию о том, как

обрабатываются личные данные на основании коммерческой тайны, и о трудностях объяснения прогноза, когда последний основан на алгоритме ИИ с использованием машинного обучения. Кроме того, *может ли в таком случае цель быть определена до обработки?* Как объяснить *постоянно меняющиеся результаты в соответствии с собранными личными данными и их объемом?* Таким образом, информационные уведомления об обработке данных ИИ должны быть тщательно составлены.

Регламента (ЕС) 2016/679 также содержит принцип минимизации данных, согласно которому только «адекватные, релевантные и ограниченные» персональные данные могут обрабатываться в соответствии с целями обработки. Однако этот принцип кажется противоречащим сущности искусственного интеллекта, требующего больших объемов данных для обучения. В этой связи возникает вопрос, *как можно примирить принцип минимизации данных Регламента и необходимость больших объемов данных для функционирования ИИ?*

В статье 6 Регламента (ЕС) 2016/679 перечислены различные основания, по которым обработка данных будет законной, такие как предварительное и осознанное согласие субъекта данных, выполнение контракта или для целей законных интересов, преследуемых контролером. Учитывая объемы данных, обрабатываемых технологиями искусственного интеллекта, и их различные источники, *как можно определить, были ли личные данные собраны законным образом?* Как указано выше, *если субъект данных не четко информирован, об обработке может ли он дать согласие на такую обработку?*

При обработке также по-прежнему следует учитывать понятие частной жизни, её конфиденциальности, а также обеспечение сбора только необходимых данных, связанных с целью обработки, их конфиденциальность и безопасность. Контроллер данных должен реализовывать соответствующие технические и организационные меры, включающие необходимые защитные меры обработки. На практике технологии ИИ должны разрабатываться так,

чтобы уважать эти принципы. Последнее ограничивает объем данных, которые могут быть обработаны на законных основаниях.

Другим препятствием, которое необходимо преодолеть, является право субъектов данных «не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке, включая профилирование» (статья 22 Регламента (ЕС) 2016/679). Технологии искусственного интеллекта напрямую связаны с автоматизированным процессом. Однако исключения из этого правила применяются, когда это предусмотрено законодательством государств-членов, необходимо заключить договор или соответствующее предварительное согласие лица.

В последних двух сценариях субъекты данных будут иметь право на вмешательство человека со стороны контроллера, чтобы выразить свою точку зрения и оспорить решение. Они имеют право на получение обоснования автоматизированного решения. Проблема возникает, когда ИИ становится настолько сложным и обрабатывает такие объемные данные, что невозможно дать обоснование. *Как контроллер или процессоры будут решать эту проблему? Как будут соблюдаться права субъектов данных? Наконец, что происходит в случае взлома персональных данных? Контроллеры должны без задержки уведомить компетентный надзорный орган и сообщить субъекту данных (статья 33 Регламента (ЕС) 2016/679). Более того, возрастающая сложность искусственного интеллекта может затруднить определение случая кибератаки или взлома данных. Кроме того, как контроллер может идентифицировать объект, ответственный за неисправность или нарушение данных? Как он или она может идентифицировать всех субъектов данных, если ИИ обрабатывает различные и объемные данные? Можно ли создать эффективную процедуру для этого?*

Вопрос ИИ, данных и их защиты представляет реальный риск для организаций при разработке технологий искусственного интеллекта для выполнения таких действий, как профилирование и автоматическое принятие решений. Так, Компании используют алгоритм и машинное обучение для

повышения релевантности рекламы, рассылаемой отдельным лицам. Страховая отрасль использует большие данные, чтобы упростить процесс подачи заявки, и алгоритмы оптимизации цен для лучшего распределения риска. ИИ используется в сфере занятости для обработки резюме для отбора кандидатов.

В статье 22 Регламента (ЕС) 2016/679 говорится, что люди имеют право не подвергаться решению, которое оказывает на них юридическое или подобное воздействие и которое основано исключительно на автоматизированном принятии решений (без вмешательства человека). Есть некоторые исключения из этого права; когда использование персональных данных необходимо для заключения договора, если обработка разрешена законом или если дано явное согласие субъектом данных.

Однако даже при применении исключений организации должны по-прежнему следить за тем, чтобы они защищали (и были способны продемонстрировать, как) права, свободы и интересы отдельных лиц. По крайней мере, они должны обеспечить право на вмешательство человека, если потребуется, и при этом обеспечить, чтобы люди не находились в неблагоприятном положении в ходе этого процесса.

Для обеспечения того, чтобы любая обработка персональных данных была законной, справедливой и прозрачной, людям следует предоставлять конкретную, четкую и значимую информацию о том, как о них автоматически принимаются решения. Поэтому организации должны сообщить следующее:

- предполагаемые последствия такой обработки для субъекта данных (статья 13 и статья 14 Регламента (ЕС) 2016/679);
- конкретная информация о том, как принимаются решения (Декларация GDPR 71);
- как люди могут выразить свою точку зрения и получить «объяснение принятых решений», и как они могут «оспорить это решение» (Декларация GDPR 71).

Чтобы избежать эффекта «компьютер говорит нет», и, чтобы удовлетворить свои требования по защите данных, организациям необходимо тщательно планировать внедрение новых технологий ИИ, уделяя особое внимание защите индивидуальных прав.

Подводя итог вышесказанному следует отметить, что технологии ИИ, как сложные категории, основанные на большом количестве данных, вызывают ряд правовых проблем, связанных с обработкой данных, защитой информации, соблюдением трансграничных норм по обработке и передаче таких данных, принятием решений технологиями ИИ, их использовании компаниями для ведения деятельности. Удовлетворение законодательным требованиям предполагает проведения соответствующего реформирования при использовании ИИ компаниями (а также государственными органами) в своей деятельности. Так, необходимо четко определить цель обработки данных, решить проблему принятия ИИ решений при определении этих целей и доведения их до субъекта данных и лица, в отношении которого это решение принимается, проблему получения новых данных, обучения ИИ, категоризации информации.

Установление специального правового режима данных для ИИ, или законодательные уточнения или изъятия помогли бы в решении ряда коллизий, возникающих в вопросе соотношения данных ИИ и законодательства об обработке данных. Сущностная характеристика ИИ, как подобия человеческого мышления отличает эти данные обрабатываемы ИИ, от обработки данных в понимании законодательства об обработке персональных данных.

На основании изложенного, целесообразно отметив ряд проблемных вопросов технологии ИИ и законодательства о защите персональных данных предложить ввести уточнения в части введения особенностей по установлению правового режима обработки данных ИИ.

Гречухина М.А.
соискатель кафедры
интеграционного и европейского права
Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА)

Свобода мысли, совести и вероисповедания в европейском праве и прогресс науки и техники

Данное небольшое исследование посвящено вопросу взаимодействия свободы мысли, совести и вероисповедания (далее также «свобода совести») и прогресса науки и техники в европейском правовом пространстве. В нем рассматриваются такие его аспекты, как актуальность обозначенной проблемы на современном этапе и ее историческая ретроспектива, а также ставится вопрос о наличии в настоящий момент правового конфликта между свободой мысли, совести и вероисповедания и прогрессом науки и техники и предлагается ответ, отражающий позицию автора.

Для целей этого доклада под «европейским правовым пространством» понимается Европейский Союз и Совет Европы. Соответственно, основными международно-правовыми документами, гарантирующими право на свободу мысли, совести и вероисповедания и регулирующими отношения по его осуществлению, являются Хартия Европейского Союза об основных правах⁴⁵ и Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁴⁶ (ЕКПЧ).

Положения этих актов, касающиеся права на свободу мысли, совести и религии, не входят в противоречие между собой, но напротив, находятся в соответствии друг с другом, что дает возможность кратко резюмировать содержание правового регулирования, установленного сразу обоими документами. Оно состоит в следующем. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и вероисповедания, включающее в себя внутренний (*forum*

---

⁴⁵Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ C 202, 7.6.2016, p. 389–405.

⁴⁶Конвенция о защите прав человека и основных свобод // «Бюллетень международных договоров». — 2001 — № 3.

internum) и внешний (*forum externum*) аспекты. Первый из них означает право придерживаться определенных убеждений, менять их или отказываться от них. Второй — право исповедовать те или иные убеждения в форме богослужения, обучения, практики и отправления различных религиозных и культовых обрядов и ритуалов, то есть облекать свои убеждения в форму внешнего выражения. Исповедание может осуществляться индивидуально или совместно с другими лицами, в частном порядке или публично. Внешний аспект описанного права может подлежать ограничениям при условии, что накладываемые ограничения законны и необходимы в демократическом обществе в интересах охраны общественной безопасности, общественного порядка, здоровья, нравственности или прав и свобод других лиц.

Кратко напомнив о содержании права на свободу мысли, совести и вероисповедания в европейском праве, обратимся непосредственно к предмету данного доклада. Очевидно, что научная и исследовательская деятельность, неразрывно связаны с научным и техническим прогрессом и являются его «двигателями», обеспечивая саму его возможность. Так же понятно, что такого рода интеллектуальная деятельность имеет духовное и нравственно-этическое измерения, которые, в свою очередь, теснейшим образом соприкасаются с областью убеждений, что, как видится, образует точку пересечения свободы мысли, совести и вероисповедания и научного и технического прогресса.

Действительно, как проведение тех или иных исследований, так и внедрение, и использование их результатов потенциально могут противоречить некоторым убеждениям.носителем таких убеждений — лицом, которое считает, что его право на свободу совести нарушено, — может оказать и исследователь, и лицо, которое, исполняя свои служебные обязанности, должно применить определенные результаты научного прогресса, и «рядовой потребитель» подобных результатов. Таким образом, представляется, что стремительный прогресс науки и техники сегодня можно

считать одним из факторов, обуславливающих актуальность проблематики свободы мысли, совести и вероисповедания.

Вопрос взаимоотношений области убеждений и научного прогресса в прошлом был не менее, если не более, острым. Так, например, блестящий ученый, живший в XVI–XVII веках, Галилео Галилей подвергся преследованию в связи с его научными воззрениями, которые на тот момент противоречили убеждениям, считавшимся верными представителями римско-католическим духовенством. Выдающийся исследователь пришел к выводу о гелиоцентрической картине мира, что оказалось причиной тяжелого конфликта с католическим духовенством.

Как свидетельствует история, во то время, когда жил и работал Галилей, католическое духовенство пыталось на сколько возможно держать под контролем всю нравственную, духовную и интеллектуальную сферу жизни общества. Наука как одно из наиболее ярких проявлений такой сферы не могла выпадать из области этого влияния. Интересно, что представители духовенства и сами вели научные изыскания, цели которых иногда были весьма специфическими. Например, иезуиты проводили естественно-научные наблюдения и занимались математикой, с тем чтобы интерпретировать полученные результаты научных исследований в соответствии со своими убеждениями и установлениями клерикально-схоластической науки и противопоставить их достижениям развивавшейся «новой науки», стремясь опровергнуть последние и выступать в роли экспертов и цензоров, оценивая открытия других ученых.⁴⁷ Так, гелиоцентрическое видение системы мира было осуждено как не соответствующее действительности и еретическое.

Данная историческая иллюстрация показывает, что в некоторые моменты прошлого научные гипотезы, теории и открытия могли прямо рассматриваться как искажающие религиозные убеждения и представляющие собой угрозу для них. Такая ситуация, конечно, не

---

⁴⁷Зубов В. П. Галилей и борьба за новую систему мира // Философский журнал. — 2009. — № 1 (2). С. 91.

совместима с современным пониманием права на свободу мысли, совести и вероисповедания и не имеет ничего общего с его защитой, гарантируемой на международно-правовом уровне.

Однако следует отметить, что описанное положение вещей все же менялось, и уже из истории науки XIX века можно привести пример вполне гармоничного сочетания успешной научно-исследовательской деятельности и религиозных убеждений. Таким примером является научная и творческая жизнь основоположника теории наследственности, биолога и ботаника Грегора Менделя, который был католическим монахом, священником и аббатом. Ученый сочетал продвижение науки и образцовое служение священника⁴⁸.

Как видим, история может предоставить нам различные примеры как конфронтации, так и мирного и плодотворного взаимодействия между областями науки и убеждений. Так как Российская Федерация является на данный момент членом Совета Европы и стороной ЕКПЧ, для нее также актуально регулирование права на свободу мысли, совести и вероисповедания, закрепленное в этом международно-правовом документе, составляющем основу европейской системы защиты прав человека. И в российской истории также можно найти примеры, когда глубокие убеждения гармонично совмещались в одной личности с преданным и результативным служением науке. Приведем пару из них.

Так, православный священник отец Павел Флоренский известен не только как религиозный философ, но и как ученый, который, будучи выпускником физико-математического факультета Московского университета, работал в различных областях науки. Он проводил исследования, связанные, например, с электротехникой, радио и вечной мерзлотой, а также некоторые химико-биологические изыскания⁴⁹. Другим

---

⁴⁸Henig R.M. The Monk in the Garden: The Lost and Found Genius of Gregor Mendel, the Father of Genetics. Houghton Mifflin Harcourt, 2000. P. 171.

⁴⁹ Флоренский / Игумен Андроник (Трубачев), С. М. Половинкин // Новая философская энциклопедия // <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01a9e2fa81561f7103da73a9> (дата последнего обращения: 09.05.2019).

ярчайшим примером является история святителя Луки (Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого), архиепископа Русской Православной Церкви, доктора медицинских наук, профессора, внесшего фундаментальный вклад в развитие медицины, особенно в областях гнойной хирургии и анестезиологии.

От последнего приведенного исторического примера сделаем переход к современности, а именно к соприкосновению полей медицины и здравоохранения и свободы совести. Хотя в контексте осуществления права на свободу мысли, совести и вероисповедания область медицинских вопросов часто выделяется особо, вряд ли будет неправильным рассмотреть и эту сферу сквозь призму темы данного доклада. Ведь исключить из научного прогресса медицину точно не удастся, а для новых развивающихся технологий она нередко становится важным полем их внедрения.

В настоящее время иногда вопросы убеждений искусственно ставятся в позицию конфликта (или действительно в ней находятся) с научными исследованиями и их результатами в медицинской сфере. Этот тезис может быть проиллюстрирован таким примером. Свидетели Иеговы отказываются от переливания крови на основании их убеждений⁵⁰. Конечно, переливание нельзя назвать недавним достижением медицинской науки, однако с точки зрения прогресса науки и техники этот процесс совершенствуется, и исследования в этой области, насколько можно судить, не обладая никакими специальными знаниями в медицине, не прекратились. Однако никакие усовершенствования не меняют отношения указанных лиц к данной процедуре. Этот вопрос поднимался в деле *Jehovah's Witnesses of Moscow and Others v. Russia*⁵¹, разрешая которое ЕСПЧ отметил, что отказ совершеннолетнего и вменяемого лица от необходимой медицинской помощи, который может повлечь существенный вред здоровью или даже

---

⁵⁰Guide on Article 9 of the European Convention on Human Rights. Freedom of thought, conscience and religion. Updated on 31 December 2018 // https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_9_ENG.pdf (дата последнего посещения: 09.05.2019).

⁵¹*Jehovah's Witnesses of Moscow and Others v. Russia*, no. 302/02. Judgment of 10 June 2010.

смерть, основанный на убеждениях этого лица, остается делом его свободного выбора и лежит в плоскости в том числе его права на свободу совести.

Переходя от частного к общему, можно представить модель абстрактной ситуации, при которой использование той или иной технологии, внедрение научного открытия или эксплуатация его результата не совместима с чьими-либо убеждениями. На наш взгляд, юридический конфликт между свободой совести такого лица и использованием соответствующей, выразимся кратко, технологии может иметь место только в том случае, если отказ от данного использования либо прямо запрещен, либо связан с установлением санкций за такой отказ. Если же носитель определенных убеждений имеет правовую возможность сделать свой выбор в согласии с ними, то независимо от негативных последствий этого выбора, не предусмотренных именно правом, а имеющих совершенно иную природу (используя неюридический язык, если поступок, совершенный в соответствии с убеждениями, а не соображениями выгоды, удобства и т. п., привел к возникновению неблагоприятных последствий), то усмотреть наличие конфликта между правом на свободу мысли, совести и вероисповедания и прогрессом науки и техники не удастся.

Таким образом, актуальное сегодня регулирование права на свободу мысли, совести и вероисповедания в европейском праве не находится в юридическом противоречии с прогрессом науки и техники.

В завершение доклада приведем высказывание лауреата Нобелевской премии по физике 1918 г. Макса Планка о том, что «настоящий конфликт между религией и наукой невозможен»⁵², с чем полностью согласна автор данного доклада.

---

⁵²Planck M. Where is science going? Allen &Unwin, London, 1933. Pp. 167–169.

Романова М. Е.
кандидат юридических наук,
советник
Департамента функционирования внутренних рынков
Евразийской экономической комиссии

Международные договоры как источник таможенного права Европейского Союза

В настоящее время таможенное законодательство Европейского Союза (ЕС) находится на завершающем этапе процесса реформирования, который планируется завершить 31 декабря 2025 года. Однако переходные положения, которые вступят силу к вышеуказанной дате, касаются только разработки и применения информационных таможенных технологий. Таким образом, современная система источников таможенного права ЕС уже сформирована. Фактически завершение внедрения всех необходимых информационных таможенных систем на нее уже не повлияет, и можно судить о ней как об уже сформированном единстве.

В соответствии со статьей 3 Договора о функционировании ЕС (ДФЕС)⁵³ таможенный союз относится к исключительной компетенции Союза. На сегодняшний день законодательством государств-членов ЕС регулируются в основном только статус национальных таможенных органов, внутренний регламент их работы, а также ответственность за совершение таможенных правонарушений, чем таможенное право ЕС, как справедливо отмечает Р.Х. Макуев и отличается от таможенного права отдельного государства⁵⁴. Таким образом, источники таможенного права ЕС, как и источники права ЕС в целом, возможно классифицировать следующим образом:

- 1) источники первичного права;

---

⁵³Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. – Official Journal of the European Union, C 326, 26.10.2012.

⁵⁴Макуев Р. Х. Современная таможенная система Европейского союза // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 5. – С. 47.

- 2) источники вторичного права;
- 3) судебная практика Суда ЕС⁵⁵.

В системе источников таможенного права ЕС международные договоры относятся к источникам вторичного права, поскольку компетенцией по их заключению наделены именно институты ЕС в соответствии с учредительными договорами ЕС.

В зависимости от субъектного состава международные договоры в таможенной сфере можно подразделить на следующие виды:

- 1) соглашения ЕС с третьими странами или международными организациями;
- 2) международные договоры, заключаемые государствами-членами с третьими государствами или международными организациями, в рамках компетенции ЕС;
- 3) дополнительные конвенции между государствами-членами.

Существует так же такая категория, как смешанные договоры, которые заключаются одновременно ЕС и государствами-членами ЕС, с одной стороны, и третьими странами или международными организациями, с другой. В их отношении необходимо отметить, что поскольку как уже отмечалось выше таможенный союз относится к сферам исключительной компетенции ЕС таких договоров в таможенной сфере быть не может.

Наибольшей значимостью для таможенного права ЕС обладает первый из выделенных видов международных договоров соглашения ЕС с третьими странами или международными организациями. Причем в основном здесь имеют место соглашения, заключенные в рамках международных организаций. К числу подобных важнейших международных актов следует отнести:

Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ)⁵⁶, которое было подписано Европейским Сообществом в 1994 г. в рамках Соглашений о создании Всемирной торговой организации (ВТО);

---

⁵⁵ Право Европейского Союза: учебник в 2 т. / отв. ред. Кашкин С.Ю. М.: Юрайт, 2013. Том 1. – С. 134–135.

Международную конвенцию 1983 г. о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (ГС)⁵⁷, которая легла в основу Комбинированной номенклатуры ЕС;

Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур, подписанную в Киото в 1973 г. (Киотская конвенция)⁵⁸. Киотскую конвенция неофициально называют «Международным таможенным кодексом», поскольку значимость ее для таможенного регулирования во всем мире и в ЕС, в частности, трудно переоценить. Фактически на ее основе построен действующий Таможенный кодекс Союза;

Таможенную конвенцию о карнете АТА для временного ввоза товаров 1961 г. (Конвенция АТА)⁵⁹;

Таможенную конвенцию о международной перевозке грузов с применением книжки МДП 1975 г. (Конвенция МДП)⁶⁰ и др.

Если говорить о международных организациях, в рамках которых принята наиболее значительная часть международно-правовых актов в таможенной сфере, к которым присоединился ЕС, то в качестве приоритетных можно отметить следующие:

Всемирная таможенная организация;

Всемирная торговая организация;

Европейская экономическая комиссия ООН.

В рамках ВТО в развитие положений ГАТТ был принят еще ряд соглашений, которые являются значимыми для таможенного права ЕС, в частности:

---

⁵⁶The General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947) // URL: http://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_01_e.htm (дата обращения 09.01.2017).

⁵⁷International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System // URL: <http://www.wcoomd.org> (дата обращения 12.03.2019).

⁵⁸Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур, совершено в Киото 18 мая 1973 (в ред. Протокола от 26.06.1999), Собрание законодательства Российской Федерации, 08.08.2011, № 32, ст. 4810.

⁵⁹Customs Convention on the ATA carnet for the temporary admission of goods (ATA Convention) // Всемирная таможенная организация [сайт]: URL: <http://www.wcoomd.org>(дата обращения 12.03.2019).

⁶⁰The Customs Convention on the International Transport of Goods under Cover of TIR Carnets (TIR Convention, 1975) // Европейская экономическая комиссия ООН [сайт]: <http://www.unece.org/tir/tir-hb.html>(дата обращения: 17.03.2019).

Соглашение о правилах происхождения⁶¹;

Соглашение о применении статьи VII ГАТТ, регулирующее вопросы определения таможенной стоимости⁶²;

Соглашение об упрощении процедур торговли⁶³, подписанное в декабре 2013 года в рамках так называемого Балийского пакета документов ВТО.

Европейская экономическая комиссия ООН в сфере таможенного регулирования, в основном, разрабатывает соглашения по вопросам транзита, временного ввоза, перемещения транспортных средств. Среди них наиболее значимыми являются:

- Таможенная конвенция о временном ввозе коммерческого автотранспорта;
- Таможенная конвенция о временном ввозе самолетов и яхт для личного использования;
- Таможенная конвенция о контейнерах;
- Таможенная конвенция о международной перевозке товаров с использованием книжки МДП;
- Международная конвенция о гармонизации пограничного контроля над товарами;
- Соглашение об импорте образовательных, научных и культурных материалов и т.д.

В отношении отнесения к международным договорам ЕС международных соглашений, заключаемых государствами-членами с третьими государствами или международными организациями, в рамках компетенции ЕС, необходимо отметить, что в соответствии с пунктом 2 статьи 3 ДФЕС Союз располагает исключительной компетенцией по

---

⁶¹Agreement on Rules of Origin// Всемирная торговая организация: официальный сайт: URL:http://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/22-roo_e.htm (дата обращения: 17.03.2019).

⁶²Agreement on Implementation of Article VII of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994// Всемирная торговая организация: официальный сайт: URL:https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/20-val_01_e.htm (дата обращения: 17.03.2019).

⁶³Agreement on Trade Facilitation// Всемирная торговая организация: официальный сайт: URL:https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/tfa-nov14_e.htm (дата обращения: 21.03.2019).

заключению международных соглашений, когда такое заключение предусмотрено в законодательных актах Союза, когда оно необходимо, чтобы обеспечить возможность Союзу реализовать свою внутреннюю компетенцию, или в той мере, в какой оно способно затрагивать общие правила или изменять их действие.

При этом в отношении международных договоров государств-членов ЕС статья 351 ДФЕС устанавливает, что положения учредительных договоров ЕС не затрагивают права и обязанности, вытекающие из соглашений между одним или несколькими государствами-членами, с одной стороны, и одним или несколькими третьими государствами, с другой стороны, которые были заключены до 1 января 1958 г. или — в отношении присоединяющихся государств — до дня их присоединения.

В той мере, в какой данные соглашения не соответствуют Договорам, заинтересованные государство-член или государства-члены прибегают к любым подходящим средствам, чтобы ликвидировать установленные несоответствия.

Таким образом, если международное соглашение государства-члена не соответствует праву ЕС, то будут приняты меры по приведению его в соответствие. Если само государство-член не примет таких мер, то их примут институты ЕС в рамках процедуры устранения нарушений вплоть до обращения в Суд ЕС (как, например, было в деле C-471/98 Комиссия ЕС против Бельгии в отношении соглашения по открытому небу⁶⁴).

Однако если соглашение не противоречит праву ЕС или институты ЕС напрямую уполномочили государство-член на заключение соглашения, то такая ситуация вполне может иметь место. Поэтому в таможенной сфере действуют, например, международные договоры государств-членов, которые регулируют территориальные вопросы применения таможенного права ЕС Договор между Федеративной Республикой Германия и Швейцарской Конфедерацией от 23 ноября 1964 г. о включении города Бюзингена-на-

---

⁶⁴Case № C-471/98 «Commission v Belgium» // ECLI:EU:C:2002:628.

Верхнем-Рейне в таможенную территорию⁶⁵, Парижская конвенция 1963 г. о таможенном регулировании в отношении Монако⁶⁶ и некоторые другие. Они соответствуют праву ЕС в отношении определения таможенной территории ЕС.

Дополнительные конвенции между государствами-членами ЕС в таможенной сфере являются наименее значимым источником таможенного права ЕС, поскольку таможенный контроль и таможенные границы внутри ЕС отсутствуют. Такие соглашения в основном касаются взаимодействия таможенных органов в рамках правоохранительной деятельности и некоторых других сферах.

В целом можно сделать вывод, что наиболее значимыми международными договорами в таможенном праве ЕС являются многосторонние конвенции, заключенные в рамках международных организаций, значимость же остальных видов международных соглашений не так значительна и со временем продолжает снижаться.

---

⁶⁵ Treaty of 23 November 1964 between The Swiss Confederation And The Federal Republic Of Germany On The Inclusion Of The Town Of Büsingen Am Hochrhein In The Customs Territory (With Annex And Final Protocol) // Global Regulation [сайт]: URL: <https://www.global-regulation.com/translation/switzerland/2974741/rs-0.631.112.136-treaty-of-23-november-1964-between-swiss%252c-the-swiss-confederation-and-the-federal-republic-of-germany-on-the-inclusion-of-the-town-.html> (дата обращения: 17.03.2019).

⁶⁶ Customs Convention signed in Paris on 18 May 1963. Journal officiel de la République française of 27 September 1963, p. 8679.

Филипова И.А.
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического факультета ННГУ имени Н.И. Лобачевского

Развитие правового регулирования труда в условиях Индустрии 4.0 на общеевропейском уровне

Четвертая промышленная революция или Индустрия 4.0 – период, в который вступает человечество. Этот период характеризуется увеличением уровня автоматизации, внедрением новых технологий в производство, меняющим рабочие места, условия и содержание труда⁶⁷.

В Европейском союзе, как и во всем мире, происходит расширение сферы занятости, связанной с «нестандартной» работой, в том числе с работой на основе интернет-платформ. При работе через интернет-платформы, например, *Uber*, *Deliveroo*, фактические работники выполняют работу по требованию через приложения, считаясь самозанятыми гражданами⁶⁸. Фактический работодатель в этом случае не имеет юридических обязанностей, возлагаемых на работодателя трудовым законодательством, из-за отсутствия юридически зафиксированных трудовых отношений. Работа на основе интернет-платформы может быть автоматически прекращена через лишение такого работника доступа к платформе (например, из-за понижения рейтинга ниже допустимого и т.д.). С точки зрения многих европейских специалистов в области трудового права, раз лиц, занятых такими формами труда все больше, их статус необходимо

---

⁶⁷Исследование выполнено при финансовой поддержке Erasmus + программы Европейского Союза в рамках реализации проекта программы Erasmus + JeanMonnet «Европейское трудовое право: защита прав человека» (проект 599411-EPP-1-2018-1-RU-EPPJMO-MODULE).

⁶⁸De Stefano V. Aloisi A. Fundamental Labour Rights, Platform Work and Human-Rights Protection of Non-Standard Workers. Bocconi legal studies research paper series. February 2018. N 1. 23 p.

урегулировать, чтобы уровень социальных гарантий для таких работников повысился⁶⁹.

С предыдущей проблемой связана и другая – усилившаяся угроза прекаризации. Увеличение прекариата через включение в него все большего числа лиц, ранее трудившихся в одной области, а позднее «выкинутых» из привычной сферы и вынужденных постоянно менять работу, утрачивая социальные связи с прежним кругом. Расширение социальной страты работников с временной или частичной занятостью, носящей постоянный характер, что влечет неустойчивость социального положения и депрофессионализацию – это результат повышения уровня гибкости рынка труда, необходимой для экономического роста. Данная проблема связана с растущей автоматизацией производства и непроизводственной сферы. Все большее число рабочих мест функционально может быть «замещено» компьютерными программами и робототехникой. В связи с этим, в ближайшие годы некоторые профессии исчезнут. Появятся новые профессии, которые потребуют новых навыков от работников.

Это объективно обусловлено развитием технологий, экономической целесообразностью использовать машины, способные выполнять действия работника с большей эффективностью, а также потребностью минимизировать труд людей во вредных условиях. Рабочие места потребуют высокого уровня технологических компетенций, нейросети и машины, дополненные искусственным интеллектом, смогут легко справляться с разнообразными рутинными или опасными задачами.

Сейчас на повестку дня в развитых странах поднят вопрос о признании субъектами права «умных» роботов. Это признание правосубъектности повлечет не только возложение на роботов обязанностей, но и предоставление им прав. Следствием положительного решения, а это вопрос

---

⁶⁹Chesalina O. Access to social security for digital platform workers in Germany and in Russia: a comparative study// Spanish Labour Law and Employment Relations Journal. 2018. Vol 7, No 1-2; Dachs B. The impact of new technologies on the labour market and the social economy. Study // European Parliamentary research service. Brussels. February 2018. 64 p.

времени, станет возможность для «умных» роботов выступать в качестве работников.

К настоящему моменту в Европейском союзе вопросы правового регулирования применения роботов и использования искусственного интеллекта на производстве проработаны более глубоко по сравнению с большинством юрисдикций мира. В Европе было проведено значительное число исследований по данной тематике. Сфера труда в подобных исследованиях и влияние на нее происходящих изменений также затрагивается, но в основном это исследования более общего плана.

По результатам исследований разработан ряд проектов нормативных правовых актов, создана дорожная карта развития робототехники в Европе «*Robotics 2020*», действует программа «*Horizon 2020*» – масштабная рамочная программа научных исследований и технологического развития Европейского союза. Дорожная карта является основой политики Европейского союза в области применения робототехники.

Вопрос регулирования цифровых технологий в числе приоритетных стоит на повестке дня Европейского парламента. Еще в 2014 году правоведами был подготовлен доклад «Регулирование робототехники – вызов Европе» (*Regulating Robotics: A Challenge for Europe*), являющийся частью исследования «Перспективы европейского права», в котором рассмотрены следующие вопросы:

- робототехника как стратегический сектор европейского рынка;
- стандартизация;
- регулирование технологий «улучшения» человека и т.д.

В тексте доклада были выделены как технологические, так и этические аспекты темы.

Данная тема была внесена на обсуждение в Европейский парламент докладом «Индустрия 4.0» и текстом «Индустрия 4.0. Цифровизация для производительности и роста» (*Industry 4.0. Digitalisation for productivity and growth*), сделанным в 2016 году Комитетом промышленности, исследований

и энергетики Европейского парламента⁷⁰. В том же 2016 году Комитет по правовым вопросам Европейского парламента при участии экспертов разработал комплексный документ, посвященный базовому регулированию робототехники. Риски дегуманизации, связанные с распространением «умных» роботов, были прямо указаны в отчете. 16 февраля 2017 года Европейским парламентом одобрена Резолюция относительно норм гражданского права о робототехнике (*European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2013(INL))*).

9 марта 2018 года Европейской группой по этике в науке и новых технологиях (*European Group on Ethics in Science and New Technologies*) было сделано заявление «Об искусственном интеллекте, робототехнике и «автономных» системах» (*Statement on Artificial Intelligence, Robotics and 'Autonomous' Systems*), подготовленное для Европейской комиссии. В заявлении названы основополагающие этические принципы, основанные на ценностях, заложенных в учредительных документах Европейского союза. Подчеркивается недопустимость кастомизации общества в результате «оптимизации» управления социальными процессами с помощью искусственного интеллекта с доминированием тех, кто имеет доступ к новым технологиям. Указывается на опасность формирования предубеждений дискриминационного характера при обработке данных, используемых для обучения систем искусственного интеллекта, на необходимость обеспечения равного доступа к технологиям, включая содействие в подготовке специалистов для неблагополучных регионов.

Позднее была принята Декларация о сотрудничестве в области искусственного интеллекта (*Declaration of cooperation on Artificial Intelligence*) от 10 апреля 2018 года. 25 государств – членов Европейского союза подписали Декларацию о сотрудничестве в области искусственного

---

⁷⁰Seghezzi F., Tiraboschi M. Italy's Industry 4.0 Plan: An Analysis from a Labour Law Perspective // E-Journal of International and Comparative Labour Studies. Volume 7, No. 1. January 2018. 39 p.

интеллекта по ряду направлений, в том числе по повышению технологического и производственного потенциала Европы в области искусственного интеллекта и его применения, по решению социально-экономических проблем, таких как:

- преобразование рынков труда;
- модернизация систем образования и обучения в Европе, включая повышение квалификации и переквалификацию граждан Европейского союза;
- обеспечение надлежащих правовых и этических норм, в основе которых лежат основные права и ценности Европейского союза, включая неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, а также принципы прозрачности и подотчетности.

25 апреля 2018 года Европейская комиссия представила Обращение «Искусственный интеллект для Европы» (*Communication Artificial Intelligence for Europe*), адресованное Европейскому парламенту, Совету Европы, европейским экономическим и социальным комитетам и комитетам регионов. В документе затронуты вопросы будущей политики Европейского союза в отношении искусственного интеллекта, развития технологической и индустриальной базы, установления этических норм и норм об ответственности. Приложением к данному тексту является проект документа «Ответственность в отношении новых цифровых технологий» (*Liability for emerging digital technologies*), в котором представлен анализ принципов действующего законодательства и сформировавшейся практики⁷¹.

В соответствии с Обращением «Искусственный интеллект для Европы», предусматривающим разработку общеевропейского плана действий, 7 декабря 2018 года был опубликован Согласованный план по развитию и использованию искусственного интеллекта (*Coordinated Plan on*

---

⁷¹ Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Исследование в области развития законодательства о робототехнике и киберфизических системах, в том числе, в части определения понятия киберфизических систем, порядка ввода их в эксплуатацию и гражданский оборот, определения ответственности», под ред. Наумова В.Б., Незнамова А.В. СПб. 2018. URL: <http://sk.ru/foundation/legal/m/sklegal11/22415/download.aspx> (дата обращения: 15.01.2019).

the Development and Use of Artificial Intelligence Made in Europe – 2018), подготовленный Европейской комиссией для Европейского парламента и Европейского совета. План, который был разработан из-за того, что Европейский союз демонстрирует отставание в исследованиях и инвестициях в области искусственного интеллекта от США и Китая, включает в себя комплекс мер по увеличению инвестиций и по изучению влияния искусственного интеллекта на трудовые отношения.

Основными целями данного плана являются поощрение сотрудничества в рамках Европейского союза, содействие обмену передовым опытом и коллективное определение дальнейших действий.

Цифровая трансформация Европы потребует значительного обновления инфраструктуры, завершения создания единого цифрового рынка и его нормативной правовой базы. Европейской комиссией сформирована рабочая группа экспертов по изучению влияния цифровой трансформации на рынки труда Европейского союза, согласно плану, доклад рабочей группы о эффективной стратегии борьбы с проблемами занятости должен быть представлен весной 2019 года. В рабочую группу входят 52 высококвалифицированных эксперта: ученые, представители гражданского общества и промышленной сферы.

К середине 2019 года всем государствам – членам Европейского союза предложено создать и поделиться с другими государствами и Европейской комиссией национальными стратегиями в области искусственного интеллекта с указанием объемов инвестиций и мер по реализации с учетом общего плана. 18 февраля 2019 года Согласованный план был одобрен Европейским советом, таким образом, общие нормы уже формируют каркас будущего европейского цифрового права, которое окажет сильное влияние на регулирование труда.

В качестве вывода можно отметить, что процесс создания европейского законодательства по регулированию труда в условиях Индустрии 4.0 будет продолжаться, так как Европейский союз конкурирует с США, Китаем,

другими экономически развитыми субъектами. Это означает, что начавшаяся трансформация трудовых отношений, о проявлениях которой было сказано в начале данной статьи, как минимум не замедлится, а скорее всего будет ускоряться из-за технологических изменений в производственной и непроизводственной сферах.

Михайлова С.А.
кандидат юридических наук,
юрист ООО "Про-Право"
Ткачук В.В.
аспирант кафедры
интеграционного и европейского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Патентование и «зеленая» политика в сфере гномики человека в практике Суда ЕС

До 70-х годов 20 века дебатов о статусе и определении человеческого эмбриона практически не возникало. Первой ласточкой к подобным обсуждениям стала декриминализация аборт, возможность отделения эмбриона от человека⁷². Вопросы о статусе человеческого эмбриона стали краеугольным камнем, в том числе и у законодателей Европейского Союза.

В связи с достаточно большим количеством национальных законодательных актов государств-членов ЕС и их различным регулированием сферы геномных исследований, а также их патентования было принято решение о необходимости сведения их к единому знаменателю на уровне ЕС.

Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 98/44/ЕС от 6 июля 1998 г. о правовой охране биотехнологических изобретений⁷³ была принята с целью гармонизации защиты работы в сфере биотехнологии, устранения барьеров при функционировании внутреннего рынка, создания единой правоприменительной практики. Первый проект директивы получил достаточное количество замечаний и был отвергнут,

---

⁷² M. Aluaş, C.D. Gherman, C.I. Dumitrescu Is human embryo legally defined and protected? Causes and consequences // <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/28730264>

⁷³ Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 98/44/ЕС от 6 июля 1998 г. о правовой охране биотехнологических изобретений (Directive 98/44/EC of the European Parliament and the Council of July 1998 on legal protection of biotechnological inventions) // *OJ L 213*, 30.7.1998, p. 13–21

поскольку по мнению ряда государств-членов не соответствовал нормам морали и общественного порядка. Окончательный текст стал компромиссным вариантом, который предоставляет не только защиту биотехнологическим изобретениям, но и содержит список, ограничивающий патентоспособность по основаниям морали и публичного порядка. В статье 5 Директива указала, что человеческое тело на разных стадиях его формирования, простое открытие одного из его элементов, включая последовательность или частичную последовательность гена, не может считаться патентоспособным изобретением. Но элемент, изолированный от человеческого тела или созданный посредством технических процессов, включая последовательность или частичную последовательность гена, может быть патентоспособным даже если структура данного элемента идентична структуре природного элемента. Вместе с этим, законодатель дал неисчерпывающий список того, что не может быть запатентовано ни при каких условиях, перечислив это в статье 6. Согласно этой статье не могут быть запатентованы изобретения, чье коммерческое использование противоречит публичному порядку и морали, в том числе: процессы человеческого клонирования, процессы, изменяющие генетическую идентичность человека, заключенную в зародышевой линии, использование человеческих эмбрионов в коммерческих и промышленных целях, процессы, изменяющие генетическую идентичность животных, которые, возможно, могут причинить им страдания без существенной медицинской пользы для животных и человека, а также сами животные, являющиеся результатом таких процессов.

Несмотря на указания Директивы было сложно провести четкое разграничение в возможности или невозможности патентования изобретений. Национальные суды, сталкиваясь с вопросом оспаривания отказов в выдаче патента, не могли самостоятельно дать ответ на этот вопрос и, в связи с этим, обращались в Суд Европейского Союза за толкованием данных норм.

Суд Европейского Союза рассмотрел ряд преюдициальных запросов, в которых последовательно разрешил вопрос о патентоспособности изобретений, основанных на эмбриональных стволовых клетках, полученных из человеческого организма.

Одним из первых дел, рассмотренных Судом ЕС в этой связи, было дело C-34/10 (*Brüstle vs. Greenpeace*)⁷⁴, где в качестве заявителя выступала организация Гринпис, пытаясь аннулировать немецкий патент Оливера Брюстля, выданный на нейронные клетки-предшественники и процесс их производства из эмбриональных стволовых клеток, а также их использования в оздоровительных целях.

Как и во многих других случаях данный прецедент был рожден преюдициальным запросом Суда ЕС, в котором Суд ЕС не рассматривал дело по существу, а отвечал на вопросы относительно толкования европейского права, поставленные в ходе разбирательства в национальном суде. Вместе с тем позиция Суда ЕС важна для применения соответствующих норм права ЕС не только в этом деле, но и в последующих.

18 октября 2011 года Суд ЕС, в первую очередь, вынес отрицательное решение о патентоспособности эмбриональных стволовых клеток человека. В своем решении Суд ЕС постановил, что любая клетка, полученная из человеческого эмбриона, обладает способностью развиваться в человека (включая оплодотворенную яйцеклетку, неоплодотворенную яйцеклетку, в которую было помещено ядро, неоплодотворенную яйцеклетку, которую простимулировали к делению и развитию), и является непатентируемой. Кроме того, Суд ЕС также постановил, что использование такой клетки для исследований не делает ее патентоспособной. Такое изобретение также не будет патентоспособным в том числе в случаях, когда оно требует уничтожения человеческого эмбриона или его использования в качестве основного материала. Это решение оказало значительное влияние на исследования стволовых клеток и инвестиции в эту важную область.

---

⁷⁴Дело C-34/10 *Oliver Brüstle vs. Greenpeace eV*.// *European Court Reports [2011] I-09821*

Это решение влияет на возможность получения действительной патентной защиты на многие изобретения, связанные со стволовыми клетками, в Европе. Таким образом, ЕС стоит особняком от других юрисдикций, таких как США, где нет ограничений на патентную защиту стволовых клеток, даже тех, что были получены из человеческого эмбриона. Однако, учитывая, что подавляющее большинство клинических исследований стволовых клеток в настоящее время сосредоточено на взрослых стволовых клетках, эффект этого решения может быть относительно незначительным.

Следует отметить, что у Суда ЕС нет официальной юрисдикции в отношении ЕПВ, и поэтому данное решение не является юридически обязательным для него. Однако трудно поверить, что ЕПВ будет проводить политику, которая приведет к выдаче патентов, которые будут вызывать споры в государствах ЕС; и более того, следует помнить, что РАС ЕПВ уже выносил решения в этом духе в своем решении 2008 года, отмеченном выше⁷⁵. Соответственно, вполне вероятно, что правовые принципы, установленные Судом ЕС, будут также применяться ЕПВ. Таким образом, получить патенты на стволовые клетки в Европе теперь будет сложнее⁷⁶.

Биоэтики поддержали решение Суда ЕС, которое было провозглашено Лассе Брууном, старшим международным советником «Гринпис», победой в борьбе за защиту человеческой жизни и достоинства от коммерческих интересов. С другой стороны, биомедицинская индустрия была глубоко разочарована исходом дела. Брюстле заявил, что решение Европейского суда «достойно сожаления», поскольку оно означает, что ученые Европейского союза, которые занимаются разрешенными исследованиями человеческих эмбрионов в научных целях, не смогут пользоваться плодами своего труда, в

---

⁷⁵ Decision of 25 November 2008, № G 2/06.

⁷⁶ Cohn I. European Court of Justice Decides on the Patentability of Human Embryonic Stem Cells // Reinhold Cohn Group Newsletter, 01 October 2011, URL: <<https://www.rcip.co.il/en/article/europe-european-court-of-justice-decides-on-the-patentability-of-human-embryonic-stem-cells>> (последнее посещение 5 апреля 2019 г.).

то время как исследователи в Соединенных Штатах и Азии будут свободно это делать.

К 2014 году Суд ЕС уточнил, что партеногенетически⁷⁷ активированная яйцеклетка все же не составляет собой человеческий эмбрион, и, таким образом, разрешил патентовать стволовые клетки, полученные из неоплодотворенных яйцеклеток и связанные с ними технологии.

Данное решение Суда ЕС является очень важным, оно ограничило широкое толкование «человеческого эмбриона», данного по делу *Brüstle*, обеспечило этически оправданную свободу для патентования и предложило разумную поддержку коммерческой жизнеспособности европейских исследований клеточной терапии. По своей юридической направленности прецедент Суда ЕС по делу «*Оливер Брюстле против Гринпис еВ*» находится в русле реализации Конвенции Овьедо о правах человека и биомедицине 1997 г. и других документов Совета Европы в данной сфере. Европейское право встало на страже этических принципов, в соответствии с которыми эмбрионы человека, даже независимо от того, каким юридическим статусом они обладают в конкретном государстве, не могут быть созданы для целей научных экспериментов. Этот подход значительно усложнило проведение научных и медицинских исследований с сфере человеческого, поскольку именно эмбрионы являются наиболее перспективной средой применения современных геномных технологий.

---

⁷⁷ Одна из форм полового размножения организмов, при которой женские половые клетки (яйцеклетки) развиваются во взрослый организм без оплодотворения.

Колосок С.Г.
Аспирант,
Университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА)

**Дело Европейского суда С-536/13, Gazprom. Уроки подведомственности:
как относиться к конкуренции юрисдикций**

Суть спора. Министерство Энергетики Литвы, являющееся от имени Литовской республики одним из акционеров компании «Lietuvos dujos» и владеющее в ней 17.7% акций, в 2011 году обратилось с требованием в Вильнюсский суд первой инстанции о назначении проведения проверки деятельности компании, ее генерального менеджера (гражданин Литвы) и двух членов Совета директоров компании (граждан России). Право инициировать такую проверку предоставлено крупным акционерам (с долей более 1/10) Гражданским кодексом Литвы. Российское ОАО «Газпром», также являющееся акционером компании с долей 37.1%, оспорило заявление такого требования, ссылаясь на то, что в 2004 году было заключено акционерное соглашение, участником которого была в том числе и Литовская республика, содержащее арбитражную оговорку, а именно – предусматривающее рассмотрение всех споров, связанных с данным соглашением или его нарушением, в третейском арбитраже. Таким образом, полагало ОАО «Газпром», дело является неподведомственным национальным судам Литвы.

Одновременно ОАО «Газпром» обратилось в Арбитражный Институт при Торгово-промышленной палате Стокгольма, который, рассмотрев заявление газовой компании, в июле 2012 года вынес решение о частичном нарушении Министерством акционерного соглашения, обязав его, в частности, отозвать или ограничить некоторые из требований, заявленных в литовский суд. ОАО «Газпром» в свою очередь обратилось в литовский суд с

требованием о признании и принудительном исполнении решения третейского арбитража.

Несмотря на арбитражное решение литовские национальные суды первой и апелляционной инстанции удовлетворили требования Министерства. Апелляционный суд при этом отказал компании «Газпром» в признании и принудительном исполнении решения Стокгольмского арбитража, сославшись, помимо прочего, на то, что (а) третейский арбитраж не мог рассматривать вопросы, уже поставленные перед литовским судом и им исследованные, и что (б) вынося подобное решение, третейский суд необоснованно не применил статью V(2) Нью-Йоркской конвенции⁷⁸. Кроме того, суд второй инстанции посчитал, что арбитражное решение ограничивает компетенцию национального литовского суда в определении того, что относится и что не относится к его юрисдикции, а это, в свою очередь, ущемляет национальный суверенитет Литвы и противоречит Литовскому и международному публичному порядку.

Решения литовских судов были обжалованы в Верховный суд Литвы, который приостановил рассмотрение дела, считая необходимым обратиться в Европейский суд за разъяснением применения общеевропейского законодательства с этой сфере. Перед судом было поставлено три вопроса, первый из которых предполагал решить, вправе ли национальный суд страны-члена ЕС отказать в признании и принудительном исполнении решения третейского арбитража, запретившего стороне обращаться с определенными требованиями в национальный суд этой страны, со ссылкой на нарушение в этом случае европейских правил о юрисдикции, предусмотренных Брюссельским регламентом, и неправомерное ограничение права национального суда определять, относится ли конкретное дело к его юрисдикции или нет. Вторым вопросом, поставленным Верховным судом Литвы, подлежал рассмотрению только в случае положительного

---

⁷⁸ Конвенция о признании и принудительном исполнении иностранных арбитражных решений, принята в Нью-Йорке 10 июня 1958 г.

мнения Европейского суда по первому вопросу, что, однако достигнуто не было. Третий вопрос представлял отдельный интерес, так как носил общий характер, и в перспективе ответ на него мог иметь значение далеко за рамками данного дела. Суть вопроса сводилась к тому, может ли в принципе национальный суд отказать в признании решения третейского суда, если такое решение ограничивает право национального суда определять собственную юрисдикцию и полномочия по делам, которые согласно Брюссельского регламента отнесены к компетенции национального суда.

Юридическим основанием для рассмотрения этого дела в Европейском суде выступила статья 267 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС), предусматривающая, в частности, полномочия суда выносить преюдициальные решения о действительности и толковании актов ЕС.

Ранее Европейский суд уже рассматривал дела и выносил решения, касающиеся компетенции национальных судебных органов и применения Брюссельского регламента⁷⁹, в частности решение по делу *Rich*, C-190/89, EU:C:1991:319, *Allianz and Generali Assicurazioni Generali*, C-185/07, EU:C:2009:69, однако эти дела отличались по существу от рассматриваемого.

Анализ. Спор носит выраженный корпоративный характер, так как вытекает из гражданского законодательства Литвы, предусматривающего право акционера, владеющего значительным пакетом акций, инициировать проверку деятельности исполнительных органов и членов Совета директоров акционерной компании. Как видно из характера спора, Литовское государство не выступает в нем в качестве юрисдикционного органа по отношению к акционерной компании и/или ее акционерам, однако настаивает при этом на наличии у нее права на обращение именно в литовский суд с целью защиты своих прав как акционера.

Литовское государство (в лице Министерства Энергетики) в этом случае осуществляет полномочия акционера, статус которого предполагает

---

⁷⁹ Регламент Совета ЕС No 44/2001 от 22 декабря 2000 г. (в настоящее время не действует).

равенство прав и обязанностей по отношению к другим акционерам. Иными словами, акционер в лице Литовского государства не приобретает особый статус по сравнению с иными акционерами компании. Из материалов дела можно заключить, что Министерство не требует для себя подобного особого статуса.

Взаимоотношения между акционерами регулируются, помимо прочего, акционерным соглашением, в котором акционеры предусмотрели передачу всех споров между ними на разрешение третейского суда – Стокгольмского арбитража. Такое соглашение следует рассматривать как добровольный отказ от юрисдикции любых национальных судов в акционерных спорах, который в данном случае имеет четкое логическое объяснение: из трех крупных акционеров два представляют иностранные (по отношению к Литве) компании, а третий является литовским государством, что, при рассмотрении споров литовскими судами, создает малопривлекательную для зарубежных акционеров ситуацию и потенциально может привести к появлению элементов пристрастности при рассмотрении подобного спора.

Одним из наиболее сложных вопросов в судопроизводстве является конкуренция юрисдикций. С одной стороны, каждое государство защищает свое право рассматривать споры, так или иначе имеющие к ней отношение. С другой стороны, принцип доверия между государствами как одна из основ единой Европы реализовался в конкретные правовые и процессуальные механизмы, требующие от судов одной страны, признавать и обеспечивать исполнение решений судов, вынесенных в иной стране ЕС. Это нашло отражение в Брюссельском регламенте.

Особняком в этом вопросе стоят третейские суды, в том числе коммерческие арбитражи, которые стали не менее важным инструментом для разрешения контрактных споров, чем государственные судебные органы. Общеизвестно, что решения таких арбитражей, вынесенные по правилам судопроизводства и в пределах их компетенции, должны обеспечиваться принудительным исполнением со стороны государств, где такое исполнение

запрашивается и может быть реализовано. Процедуре принудительного исполнения предшествует стадия признания арбитражного решения, однако на этой стадии государственные суды проверяют, как правило, лишь соответствие решения формальным критериям, а также соблюдение процедурных правил в части формирования состава суда и обеспечения процессуальных прав сторон на участие в деле и предоставление аргументов и доказательств в свою защиту.

Вопросы признания и принудительного исполнения решения третейских судов (арбитражей) нашли разрешение в том числе и на международно-правовом уровне, где основным документом выступает Нью-Йоркская конвенция, участниками которой стали более 140 государств.

Брюссельский регламент юридически исключает решения коммерческих арбитражей из сферы своего действия (п. 2 (d) статьи 1). Таким образом процедуры, предусмотренные регламентом, не должны распространяться на акты таких арбитражей. Основная причина такого подхода, как представляется, в том, что третейские суды по своей сути не привязаны к какой-либо юрисдикции (или к какому-либо государству) и не подчиняются жестким процессуальным правилам отдельной страны. Наоборот, правила судопроизводства в этих судах достаточно гибкие, и стороны спора могут существенным образом влиять на отдельные элементы рассмотрения спора (в том числе, в части формирования состава арбитров, выбора языка судопроизводства, в отдельных случаях – места рассмотрения спора и т.п.). В этом контексте логично, что процедура принудительного исполнения этих решений не регулируется Брюссельским регламентом, основная цель которого – создать механизм исполнения решения, принятого в одной стране ЕС, на территории другой страны Евросоюза.

Собственно, исключение арбитражных решений из-под действия Брюссельского регламента и дала основание Европейскому суду достаточно формально разрешить данное дело – поскольку регламент в данном случае не действует, оценить запрос Верховного суда Литвы о правомочности (то есть

соответствия или несоответствия регламенту) отказа в признании арбитражного решения национальным судом не представляется возможным. Фактически Европейский суд оставил данный вопрос на усмотрение суда государства, в котором рассматривается подобный спор, указав на то, что общеевропейские нормы в этой сфере не применяются. В то же самое время не исключается применение иных норм, в частности, Нью-Йоркской конвенции, положения которой имеют обязательный характер для государств, являющихся ее участниками, а также норм внутреннего законодательства конкретного государства.

В данном деле имеет значение еще один элемент, который носит существенный характер. Объектом рассмотрения запроса выступает не решение третейского суда, устанавливающее новые материальные права или обязанности сторон – именно такие решения (как, например, предусматривающие уплату денежных сумм или передачу имущества) нередко требуют принудительного исполнения при отказе стороны спора от того, чтобы сделать это добровольно. Стокгольмским третейским судом было вынесено обеспечительное определение, запрещающее сторонам акционерного соглашения обращаться к юрисдикции государственного суда при реализации их акционерных прав и требующее от стороны исключить некоторые из заявленных ей в государственный суд требований. По сути требуется ответить на вопрос: вправе ли сторона акционерного конфликта, подписавшая соглашение с арбитражной оговоркой, обращаться тем не менее в нарушение данной оговорки к юрисдикции государственного суда? Как должен в этом случае поступать суд государства-Евросоюза? И имеются ли общеевропейские механизмы регулирования подобной ситуации, наряду с международными договорными механизмами, отраженными, в частности, в Нью-Йоркской конвенции?

В каком-то смысле данное дело представляет собой юридический нонсенс. Логично предположить, что литовский суд первой инстанции, получивший иск Министерства энергетики Литовской Республики и

принявший дело к своему производству, увидев арбитражную оговорку, должен был дать ей оценку и решить – продолжать ли рассмотрение дела либо прекратить его в связи с неподведомственностью. Суд в данном случае пришел к выводу о том, что он вправе рассмотреть дело по существу. Обращение ОАО «Газпром» в Стокгольмский суд преследовало цель вынесения решения, запрещающего рассматривать данное дело с нарушением арбитражной оговорки и обязывающего истца отозвать как минимум часть своих требований из литовского суда, что и было отражено в решении Стокгольмского арбитража. Несмотря на то, что это решение было адресовано Министерству энергетики Литвы, а не литовскому суду, его принудительное исполнение, которого добивался «Газпром», потребовало бы либо отказа Министерства от части заявленных требований, либо прекращения этого дела самим литовским судом, что было бы логичным способом «процессуальной реализации» арбитражного решения в случае, если Министерство отказалось бы это делать добровольно. Иными словами, в результате принудительного исполнения решения Стокгольмского арбитража литовский суд, если бы согласился на него, должен был бы частично прекратить производство по собственному делу, то есть процедура принудительного исполнения фактически предполагала бы исполнение его судом в отношении суда.

Одним из наиболее значимых вопросов, поднятых в ходе рассмотрения данного дела (и, вероятно, это была одна из причин, почему дело рассматривалась Большой Палатой Европейского суда и в нем, помимо сторон, участвовали представители Германии, Франции, Испании и ряда иных государств ЕС, а также Еврокомиссии), стало обсуждение применимости концепции «обеспечительных мер, накладываемых судом и запрещающих сторонам возбуждать и рассматривать их спор в другом суде» (*anti-suit injunction*, в дальнейшем – обеспечительные меры) – мер, существующих и используемых в англо-саксонском праве, но негативно воспринимаемых в континентальной системе. Именно на таком характере

решения Стокгольмского арбитража настаивал Верховный суд Литвы в своем запросе в Европейский суд. Решение последнего носит, как указывалось выше, формальный характер, ссылаясь на неприменимость Брюссельского регламента к арбитражным решениям. Однако в своем решении Европейский суд дал некоторую оценку применения таких обеспечительных мер (п.34), указав на то, что подобные средства входят в противоречие с принципом доверия стран-членов ЕС к правовой и судебной системе друг друга и способны привести к ограничению процессуальных возможностей заявителя, считающего арбитражную оговорку утратившей силу, недействительной или недействующей, на обращение в государственный суд. При этом остается неясным – следует ли считать такой подход Европейского суда универсальным к любым ситуациям, либо лишь к тем, в которых сторона – участник соглашения с арбитражной оговоркой, обращаясь в государственный суд, в качестве основания такого обращения ссылается на недействительность (утрату действия) подобной оговорки (в рассматриваемом деле, как следует из имеющихся материалов, Министерство Энергетики Литвы и литовские суды не использовали подобный аргумент). В то же время, говоря о неприменимости Брюссельского регламента, Европейский суд указывает на то, что он не препятствует национальному суду государства – члена ЕС либо признать и принудительно исполнить, либо отказать в признании и принудительном исполнении решения третейского арбитража, запрещающего стороне спора представлять определенные требования на рассмотрение суда данного государства (п.44 Решения). Таким образом, выразив в целом свое негативное отношение к упомянутым выше обеспечительным мерам, Европейский Суд оставляет этот вопрос на усмотрение национального законодательства и судов конкретных стран-членов ЕС. Вероятно, здесь мы видим проявление принципа невмешательства Европейского суда в юрисдикцию национальных судов в тех случаях, когда это выходило бы за рамки единого европейского регулирования, но с логической точки зрения

это выглядит тем не менее странно и в любом случае не добавляет ясности с точки зрения потенциального поведения участников аналогичных споров в будущем, а также, что немаловажно, самих третейских судов и арбитров, создавая двусмысленность и провоцируя стороны международных контрактов и соглашений на искусственное создание условий для более удобной юрисдикции, позволяющей им (или наоборот, однозначно и заведомо не позволяющей) исполнять обеспечительные определения третейских судов в конкретных национальных судах.

Одновременно Европейский суд применительно к данному спору указал на безусловное право стороны спора возражать против признания и принудительного исполнения решения третейского арбитража, что в равной степени признается Брюссельским регламентам в отношении решений судов стран-членов Европейского союза, исполняемых на территории других стран (статья 34 регламента предусматривает перечень оснований, когда может быть отказано в признании решения).

Представляется интересным Мнение Главного Адвоката по данному делу (*Opinion of Advocate General delivered on 4 December 2014*), который уделил поставленным вопросам значительное внимание и представил детальный анализ законодательства и судебной в данной области.

Наиболее существенными из выводов Генерального адвоката видятся следующие:

Брюссельский регламент (правда в его обновленной редакции, которая вступила в силу после возбуждения производства по делу, но до принятия решения Европейским судом) не запрещает, а, наоборот, позволяет вынесение обеспечительных решений в поддержку третейских процедур судопроизводства (на это указывает четвертый параграф пункта 12 вводной части новой редакции регламента).

Из-под действия Брюссельского регламента выведены не только вопросы признания и принудительного исполнения арбитражных решений,

но также и процедурные вопросы, в число которых входит вынесение обеспечительных решений (пункт 138 Мнения).

Аналогично мнению французского правительства и позиции Еврокомиссии Генеральный адвокат пришел к выводу, что в рассматриваемом случае, если возбужденное в литовском суде дело по законам этого государства в принципе не могло быть предметом рассмотрения третейского суда, основанием для отказа в признании могла выступать Статья V(2)(a) Нью-Йоркской конвенции без ссылки на преюдициальные правила - пункт 143 мнения

Генеральный адвокат в своем Мнении отмечает, что возбуждение дела в национальных судах вместо использования предусмотренной договором третейской процедуры нередко является проявлением тактики умышленного затягивания недобросовестной стороной судебного разрешения конфликта (*delaying tactics*). Он полагает, что нормы Брюссельского регламента, который также учитывает данную проблему, следует толковать как предоставляющие преимущество юрисдикции, определенной сторонами, даже если дело в ней было возбуждено позднее, чем в иной юрисдикции. В этом контексте Брюссельский регламент не препятствует ни национальным судам, ни третейским арбитражам принимать необходимые меры для обеспечения эффективности арбитражной процедуры (п. 148 мнения). С подобной позицией следует согласиться, так как иное приводило бы к ситуации, когда приоритет отдавался бы первому по времени возбуждению дела, даже если при этом нарушаются правила договорной подведомственности, что еще более провоцировало бы стороны пользоваться вышеописанным приемом либо для затягивания дела, либо для передачи дела в компетенцию того суда, который эта сторона считает более удобным для себя. К слову сказать, рассмотренное Европейским судом литовское дело в значительной степени выглядит именно таким – очевидно, что у литовского министерства могло быть достаточно причин отдать приоритет национальному суду страны вместо того, чтобы заявлять свои требования в

Стокгольмский арбитраж. Ссылки же на то, что подобное требование в принципе не могло быть рассмотрено в третейском судопроизводстве, судя по материалам дела, не вытекают прямо из литовского законодательства и, как следствие, являются оценочными и небесспорными.

В целом же позиция Генерального адвоката базировалась на том, что принципы взаимного доверия судебных систем стран ЕС, отраженные в европейском законодательстве и, в частности, в Брюссельском регламенте не распространяют свое действие на третейские арбитражи. В силу этого, отвечая на первый вопрос Верховного суда Литвы, адвокат считает, что в данном случае вопрос признания и принудительного исполнения арбитражного решения должен разрешаться исключительно в рамках Нью-Йоркской конвенции; нормы Брюссельского регламента не требуют от национального суда отказать в признании и принудительном исполнении решения третейского суда, в том числе носящего обеспечительный характер. Что касается возможности применения положений конвенции, позволяющих не признавать решение, если оно противоречит нормам публичной политики государства, Генеральный адвокат не считает вопрос юрисдикции относящимся к данной категории. Данное мнение представляется верным, но с одной оговоркой – нормы общего порядка, для того, чтобы их нарушение могло привести к отказу в признании арбитражного решения, должны затрагивать именно принципиальные устои государства и общественного устройства. Нарушение же юрисдикционных норм, если это не привело к ограничению основных прав стороны на участие в судопроизводстве, не образует столь значимых последствий. При этом применение подобных “общих и оценочных” оснований для отказа в признании решений должно носить исключительный характер, поскольку непосредственно затрагивает вопрос доверия к судебной системе государства и беспристрастности судебных органов.

Гальцова Н.В.

Аспирант

Университет имени О.Е Кутафина (МГЮА)

Прецедентное значение дела Jacquet C-65/96

Дело Jacquet C-65/96 от представляет собой первый случай рассмотрения Судом Европейского Союза преюдициального запроса национального суда Германии по иску российского физического лица с целью защиты своих трудовых прав в ЕС и решение по которому было принято до вступления в силу Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве Евросоюза и России от 24 июня 1994 года.

Дело Jacque C-65/96 рассматривалось в связке с делом Uecker C-64/96, ввиду их объединения Судом ЕС, так как они содержат идентичный предмет требований и представлены суду практически в одно время.

Так, Vera Jacquet, являясь гражданкой Российской Федерации, вышла замуж на гражданина Германии. С 1988 года она преподавала русский язык в различных немецких учебных учреждениях.

14 марта 1994 года она подписала очередной трудовой договор с Землей Северный Рейн-Вестфалия в качестве ассистента по русскому языку в Университете Бохума. Согласно его положениям, срок действия ограничивался 30 сентября 1996 года. Учитывая срочный характер контракта, Vera Jacquet решила оспорить это временное ограничение ее трудовых отношений, в частности, ссылаясь в своем исковом заявлении, поданном на национальном уровне, на ст. 11 Регламента Совета (ЕЭС) № 1612/68 от 15 октября 1968 года о свободном передвижении работников внутри Сообществ (далее- Регламент № 1612/68) и ст.7 Регламента (СЕЕ) № 1251/70 Комиссии от 29 июня 1970 года о праве работников оставаться на территории государства-члена после прекращения трудовой деятельности в данном

государстве. На местном уровне ей было отказано в удовлетворении исковых требований, ввиду чего ею подана апелляция.

В аналогичной ситуации оказалась Kari Uecker, гражданка Норвегии, супругом которой также являлся гражданин ФРГ и которая с 1974 года работала на должностях преподавателя норвежского языка на территории Германии. Однако, в отличие от Jacquet, Uecker удалось оспорить трудовой договор, предусматривающий ограниченный срок трудовых отношений, где в своем судебном решении местный трудовой суд опирался на ст.11 Регламента № 1612/68. В ее случае апелляция подана Землей Северный Рейн-Вестфалия.

Главным образом, заключение срочного контракта, согласно с п.3 (b) ст.57 Hochschulrahmengesetz (HRG), предусматривается, если работа преподавателя связана с обучением на иностранном языке. А требование Jacquet и Uecker о заключении бессрочного контракта аргументировалось прецедентным решением по делу Spotti C-272/92 от 20 октября 1993 года. Для обеспечения применения прецедентного права Суда ЕС они ссылаются на статью 11 регламента (ЕЭК) № 1612/68.

Региональный суд по трудовым спорам Hamm (Landesarbeitsgericht Hamm) передал в Суд ЕС вопросы по этим идентичным делам с целью толкования ст.48 (2) Договора о ЕС и ст.7 (1) и 11 Регламента № 1612/68. Всего было поставлено три вопроса, среди которых принципиальным и предрешающим ответ на остальные оказался вопрос о возможности лица, являющегося гражданином третьего государства, которое состоит в браке с работником, который является гражданином государства-члена и который осуществляет там свою профессиональную деятельность, ссылаться на территории этого государства на положения ст.11 Регламента (ЕЭС) № 1612/68 от 15 октября 1968 года о свободе передвижения для работников внутри Сообщества?⁸⁰

---

⁸⁰ См.: Joined cases C-64/96 and C-65/96 Land Nordrhein-Westfalen v. Kari Uecker and Vera Jacquet v. Land Nordrhein-Westfalen [1997] ECR I-03171

Согласно положениям вышеупомянутой статьи «супруг и дети, не достигшие двадцати одного года или находящиеся на иждивении гражданина государства-члена, осуществляющего на территории другого государства-члена работу по найму или деятельность, не связанную с наемным трудом, вправе поступать на любую работу по найму в пределах всей территории того же самого государства, даже если они не обладают национальным гражданством какого-либо государства-члена»⁸¹.

Апеллирование к расширительному толкованию ст.11 указанного Регламента истцами Jacquet и Uecker обосновывалось также их требованиями равного обращения в сфере занятости наравне с немецкими гражданами.

Однако Генеральный адвокат Фенелли в своем Заключении от 6 февраля 1997 года пришел к выводу, что вышеупомянутую статью следует толковать как означающее, что, если супруг работника Сообщества является гражданином третьей страны, указанный супруг может полагаться на права, предоставляемые этим положением, только в том случае, если этот работник осуществляет деятельность в качестве наемного или самозанятого лица на территории государства-члена, отличного от того, гражданином которого он является⁸².

Вместе с этим, в обоих случаях объединенного дела, Суд ЕС в Решении от 5 июня 1997 года также указал, что лицо, являющееся гражданином третьего государства, которое состоит в браке с работником, являющимся гражданином государства-члена, не может претендовать на право, предоставленное ст.11 Регламента № 1612/68 о свободном передвижении работников внутри Сообщества, так как этот работник никогда не пользовался правом свободного передвижения внутри Сообщества⁸³.

---

⁸¹ Regulation (EEC) No 1612/68 of the Council of 15 October 1968 on freedom of movement for workers within the Community//Official Journal L 25. - 19/10/1968. - P. 0002-0012.

⁸² Opinion of Mr Advocate General Fennelly delivered on 6 February 1997// Recueil de jurisprudence 1997 I-03171(авторский перевод)

⁸³ Joined cases C-64/96 and C-65/96 Land Nordrhein-Westfalen v. Kari Uecker and Vera Jacquet v. Land Nordrhein-Westfalen [1997] ECR I-03171(авторский перевод)

Суд отмечает, что в соответствии с устоявшейся прецедентной практикой положения о свободном передвижении трудящихся не могут применяться к трудящимся, которые никогда не пользовались правом на свободное передвижение внутри Сообщества. А поскольку, как видно из материалов дел, супруги обеих заявительниц никогда не пользовались этим правом, живя и работая принципиально в Федеративной Республике Германия, они не могут использовать право Сообщества для оспаривания срока действия их трудовых договоров.

Следует также отметить, что в процессе рассмотрения, выявлена проблема, связанная с различными вариантами содержания ст.11 Регламента № 1612/68. В тексте на английском языке, а также в испанском, датском, финском и шведском языках прямо упоминается «*супруг гражданина одного государства-члена, осуществляющего деятельность на территории другого государства-члена*», тогда как в немецких, итальянских, греческих, португальских и французских версиях выражение «*другого*» отсутствует. Этот факт, в прочем, по мнению суда, не влияет на его выводы.

Кроме того, Суд настаивает на том, что доступ к правам в сфере занятости супруги гражданина государства-члена в этом государстве-члене не соответствовало бы цели ст.48 Договора о ЕС, на реализацию которой направлены положения Регламента № 1612/68, включая предоставление возможности работнику Сообщества свободно передвигаться по территории других государств-членов и оставаться там с целью трудоустройства⁸⁴.

Как отмечает С. Платон, французский исследователь в области права ЕС, согласно законодательству Европейского Союза, использование материальной сферы (*ratione materiae*) испытывает особую модальность, которая выражается в виде требования «трансграничного» элемента⁸⁵.

Так, трансграничное перемещение мог расцениваться как фактор в данной ситуации, который позволил бы связать ее с правом Сообщества.

---

⁸⁴ п.21 Joined cases C-64/96 and C-65/96 Land Nordrhein-Westfalen v. Kari Uecker and Vera Jacquet

⁸⁵Platon S. Le champ d'application des droits du citoyen européen après les arrêts Zambrano, McCarthy et Dereci : de la boîte de Pandore au labyrinthe du Minotaure// RTDE. – 2012. - p. 23

Однако, его отсутствие разрешил суду, как выражается Э.Марзал, ратифицировать принцип отнесения подобной ситуации к полностью внутренним⁸⁶.

Вместе с этим, суд заявил, что гражданство ЕС не распространяет материальную сферу действия договоров на полностью внутренние ситуации, которые не связанные с законодательством ЕС.

По мнению И. Голднер, такая ситуация иллюстрирует несколько принципиально важных моментов. С одной стороны, такая позиция выражала неготовность Суда ЕС вмешиваться в полностью внутренние ситуации государств-членов. С другой стороны, чтоб использовать право Сообщества, первичному бенефициару бенефициар должен не только иметь право на свободное передвижение, но и фактически осуществлять его. В деле *Jacquet и Uecker* суд прямо подтвердил, что гражданство ЕС, учрежденное Маастрихтским договором, не создает ранее отсутствовавшей связи между полностью внутренними ситуациями и применением права Сообществ⁸⁷.

В связи с этим, очевидным становится неравенство между «статичными» гражданами ЕС и гражданами ЕС, реализовавших свое право трансграничного передвижения⁸⁸, о чем судом также упоминается в решение по вышеописанному делу.

Анализируя судебную практику, отражающую полностью внутренние ситуации, исследователями права Европейского Союза Т.Стори и К.Тернером выведен принцип, согласно которому законодательство ЕС не играет никакой роли, если факты конкретного дела происходят на территории одного государства члена⁸⁹. Развивается данный принцип более детально нидерландским профессором права Э. Гильд, которая относит ограничение ситуации в рамках одного государства-члена к одному из

---

⁸⁶ Marzal E. Constitutionalising immigration law //Managerial Law. – 2006. – Т. 48. – №. 1/2. – P.106.

⁸⁷ См.: Goldner I. Family reunification of European Community nationals //Croatian yearbook of European law & policy. – 2005. – Т. 1. – №. 1. – P.163-202.

⁸⁸ Adam S., Van Elsuwege P. EU Citizenship and the European Federal Challenge through the Prism of Family Reunification/Citizenship and Federalism: The Role of Rights: Cambridge: Cambridge University Press, 2017. - pp.443

⁸⁹ См.: Storey T., Turner C.Unlocking EU Law: Taylor & Francis Group, 2011.- 529 p.

признаком полностью внутренних ситуаций. Кроме того, как отмечается, в отсутствие трансграничного элемента государство-член может относиться к своим собственным гражданам менее благоприятно, чем к другим гражданам ЕС (как к своим гражданам, так и к гражданам других государств-членов) в трансграничной ситуации. И хотя законодательство ЕС не запрещает обратную дискриминацию, суд указал, что государства-члены могут в индивидуальном порядке устранять. Такой подход, как подчеркивает исследователь, не раз подвергался критике. Но вместе с этим, на практике государства все же пытаются устранять обратную дискриминацию путем распространения более благоприятных положений законодательства ЕС на собственных граждан в полностью внутренних ситуациях. В противных случаях, если такого не происходит, то судья, выносящий решение, которое содержит обратную дискриминацию, по мнению профессора, руководствуется национальными конституционными принципами⁹⁰. Последний тезис, в прочем, отражает главную идею суда, что полностью внутренние ситуации должна рассматриваться в рамках внутренней правовой системы этого государства.

Вместе с этим, ситуация с обратной дискриминацией, а также с невозможностью реализации в полном объеме своими социально-экономическими правами, предусмотренных законодательством ЕС, приводит к логичному выводу, что в сферу воздействия Договора о ЕС вводит не гражданство ЕС, а право гражданина ЕС на свободное передвижение⁹¹, а равно влияющее на членов их семьи, являющихся гражданами третьих стран, в процессе реализации их трудовых отношений.

Кроме того, стоит отметить, что обратная дискриминация и возможна только в полностью внутренних ситуациях, в то время как в ситуациях, регулируемых законодательством ЕС, обратная дискриминация была бы запрещена Судом ЕС.

---

⁹⁰См. подробно: Guild E. *The Reconceptualization of European Union Citizenship*: BRILL, 2014. – 423 p.

⁹¹ Golyner, O. *The basis of regulation of free movement for partial migrants in the eu: Correlation between the concepts of union citizenship and bona-fide residence (Order No. U176279)*.

С точки зрения значения прецедента дела *Jacquet*, нами полностью разделяется мнение профессора П. Калиниченко, что для российских физических лиц оно не имеет значения, так как ст. 11 Регламента 1612/68 уже отменена положениями Директивы Европейского парламента и Совета 2004/38/ЕС от 29 апреля 2004 г. о праве граждан Союза и членов их семей на свободное проживание и выбор места жительства на территории государств-членов, которая содержит более либеральные положения в отношении прав супругов граждан ЕС, имеющих гражданство третьих стран⁹².

Вместе с этим, анализ судебной практики, показал, что Суд ЕС продолжает пользоваться своими выводами, сделанными по объединённому делу *Jacket* и *Uecker*, и по сей день. В частности, это касается выводов относительно особенностей полностью внутренних ситуаций, дискриминации, невозможности распространения равного режима гражданства ЕС на граждан третьих стран и т.д. Предметная область решений, ссылающихся на данное дело, представляет собой дела касающиеся реализации свободы передвижения работников, социальной защиты, права въезда и проживания на территории ЕС и др.

---

⁹²Калиниченко П.А. *Практика Суда Европейского Союза по рассмотрению обращений российских граждан и юридических лиц* // Lex Russica. – 2010. - № 5. – С.1083

Попова О.

Аспирант

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Решение Суда ЕС по делу C–367/89 Criminal Proceedings against Aim Richard and Les Accessoires Scientifiques SNC

Прежде чем союзные институты договорились о том, как регулировать экспорт товаров двойного назначения, Суд ЕЭС рассмотрел и разъяснил вопрос о совместимости национальных ограничений на такой экспорт с положениями Регламенте Совета от 13 декабря 1976 г. № 222/77 «О коммунитарном транзите»⁹³ (транзите через территорию государств-членов Европейского экономического сообщества) (далее – Регламент № 222/77, Регламент) в деле C–367/89 Criminal Proceedings against Aim Richard and Les Accessoires Scientifiques SNC, которое было передано в Суд ЕЭС в 1989 году и решение по которому было вынесено в 1991 году.

Г-н Ришар, возглавлявший французскую компанию Les Accessoires Scientifiques, должен был доставить советскому центральному закупочному агентству «Технопромимпорт» в Москву товары, включающие, в частности, десятидюймовый микропроцессор Veeco, который при ввозе во Францию из Соединенных Штатов был введен в свободное обращение на территории Европейского экономического сообщества. Г-н Ришар завершил во Франции необходимые формальности для вывоза товаров воздушным транспортом в Москву. Поскольку товары не могли быть погружены на борт самолета, предоставленного для этой цели в Руасси, вследствие отмены рейса Аэрофлотом, они были доставлены грузовым автомобилем по инициативе авиакомпании "Air France" в аэропорт Великого Герцогства Люксембург и переданы транзитом Люксембургской таможене 21 мая 1985 года для отправки с территории Великого Герцогства в Москву. В качестве

---

⁹³ 1 января 1993 г. вступил в силу Регламент от 17 сентября 1990 г. № 2726/90 «О коммунитарном транзите», который отменил предыдущий Регламент.

сопроводительного документа был выдан документ по форме T1, как это было указано в Регламенте № 222/77 для товаров, не находящихся в свободном обращении в Сообществе. Таможенная проверка, проведенная в аэропорту Люксембурга, привела, в частности, к изъятию производственного аппарата, который, по мнению люксембургских властей, сопровождался неправильно оформленной документацией с целью сокрытия его стратегического назначения и разрешения его транзита в СССР в нарушение люксембургского законодательства, требующего в таких случаях получения специального разрешения на транзит. В связи с этим г-ну Ришару и еще четырем лицам было предъявлено обвинение в попытке осуществить незаконный транзит товаров, подпадающих под действие специального требования.

Суд первой инстанции Люксембурга отклонил данные обвинения, однако, предписал конфисковать микропроцессор Veeco. Апелляционный суд Люксембурга постановил, что оснований для конфискации нет, поскольку сопроводительный документ по форме T1 должен рассматриваться как действительное разрешение на транзит, выданное Францией, освобождающее соответствующее лицо от предъявления специального разрешения, выданного властями Великого Герцогства Люксембург. В этих обстоятельствах, по мнению Апелляционного суда, транзит осуществлялся в соответствии с законодательством. В своей кассационной жалобе Министерство финансов Великого Герцогства Люксембург и глава Таможенной службы оспорили решение Апелляционного суда на том основании, что он придал слишком общий характер документу T1. Они утверждали, что статья 10 Регламента Совета от 13 декабря 1976 г. № 222/77 «О коммунитарном транзите» применяется только к обычным товарам, в то время как транзит товаров стратегического назначения может подлежать, в частности, лицензированию, обоснованному требованиями внешней безопасности. Принимая во внимание, что исход разбирательства зависит от толкования Регламента № 222/77, Кассационный

суд Люксембурга решил в постановлении от 30 ноября 1989 года приостановить разбирательство до вынесения Судом ЕЭС предварительного постановления по следующему вопросу: «Является ли документ по форме T1, предусмотренный положениями Регламента № 222/77, действительным разрешением на транзит на территории любого государства-члена Европейского экономического сообщества, независимо от характера перевозимых товаров и даже если они угрожают внешней безопасности соответствующего государства, или, наоборот, позволяют ли положения Регламента государству-члену отказать в признании документа по форме T1 в качестве эквивалента разрешения на транзит, когда в соответствии с национальным законодательством этого государства перевозимые товары признаются стратегическим оборудованием, принимая во внимание соображения внешней безопасности государства-члена ЕЭС?».

Великое Герцогство Люксембург, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Французская Республика, Королевство Бельгия и Комиссия считали, что Регламент Совета от 13 декабря 1976 г. № 222/77 «О коммунитарном транзите» не запрещает государству-члену требовать, помимо транзитного документа, сопровождающего груз, специального разрешения, если такое разрешение, обоснованное соображениями внешней безопасности, касается товаров, которые считаются стратегическими. С другой стороны, г-н Ришар придерживался мнения, что лицензионные требования, предусмотренные в законодательстве Люксембурга, противоречат Договору о ЕЭС и Регламенту, поскольку в соответствии со статьей 37 Регламента документ по форме T1 является разрешением на транзит, который во всех государствах-членах имеет такую же юридическую силу, как и специальное разрешение, вне зависимости от стратегического или иного назначения товара. Суд ЕЭС напомнил о существовании общего принципа свободы транзита товаров в

рамках Сообщества⁹⁴, который подтверждается ссылкой на "транзит" в статье 36 договора.

Как указал суд в своем решении по делу C-1 17/88 *Trend-Moden Textilhandels GmbH v Hauptzollamt Emmerich* [1990] ECR I-631, пункт 16, цель Регламента Совета от 13 декабря 1976 г. № 222/77 «О коммунитарном транзите» заключается в облегчении перевозок грузов внутри Сообщества путем упрощения и стандартизации формальностей, которые должны выполняться при пересечении внутренних границ. Наконец, в десятом пункте преамбулы к Регламенту № 222/77 говорится, что процедура транзита Сообщества должна в принципе применяться ко всем перемещениям товаров внутри Сообщества. Таким образом, эта процедура охватывает все товары независимо от их возможного стратегического назначения. Однако такая ситуация не препятствует государствам-членам осуществлять проверку транзитных грузов в соответствии с положениями Договора о ЕЭС. Статья 10 Регламента № 222/77 предусматривает, что запреты и ограничения на импорт, экспорт и транзит, введенные государствами-членами, применяются в той мере, в какой они совместимы с тремя договорами, учреждающими европейские сообщества. Поэтому необходимо рассмотреть вопрос о том, исключают ли правила договора, в частности статья 36, требование о получении специального разрешения на транзит, а также последствия несоблюдения этого требования (конфискация товара). Меры, принимаемые на основе статьи 36, могут быть оправданы только в том случае, если они служат интересам, защищаемым этой статьей, и если они не ограничивают торговлю внутри сообщества в большей степени, чем это абсолютно необходимо, а государство-член может ссылаться на статью 36 для обоснования меры, ограничивающей транзит, только в том случае, если никакая другая мера, менее ограничительная с точки зрения свободного перемещения товаров, не позволяет достичь той же цели. Понятие

---

⁹⁴ Case 266/81 *SIOT vs Ministero delle Finanze*, 1983. P. 16. Официальный сайт Суда Европейского союза. Режим доступа: <http://curia.europa.eu> (дата обращения: 26.10.2019)

общественной безопасности по смыслу статьи 36 договора охватывает внутреннюю и внешнюю безопасность государства-члена. Общеизвестно, что импорт, экспорт и транзит товаров, которые могут использоваться в стратегических целях, могут затрагивать общественную безопасность государства-члена, которую оно поэтому имеет право защищать в соответствии со статьей 36 договора. Соответственно, в целях проверки характера товаров, отнесенных к категории стратегических, государства-члены имеют право в соответствии со статьей 36 договора предоставлять на их транзит специальное разрешение. Что касается санкций, установленных за невыполнение обязательства получить такое разрешение, то следует отметить, что мера, связанная с арестом или конфискацией, может считаться несоразмерной преследуемой цели и, следовательно, несовместимой со статьей 36 договора в случае, когда возвращение товаров в государство происхождения может быть достаточным. Однако национальный суд должен определить, соответствует ли созданная система принципу соразмерности, принимая во внимание все элементы каждого дела, такие как характер груза, способного поставить под угрозу безопасность государства, обстоятельства, при которых было совершено нарушение, и действовал ли добросовестно торговец, стремящийся осуществить транзит и хранящий документы для этой цели, выданные другим государством-членом. Из вышеизложенных соображений следует, что ответ на вопрос, представленный национальным судом, должен заключаться в том, что положение Регламента № 222/77 должно толковаться как означающее, что оно не препятствует законодательству государства-члена по соображениям внешней безопасности требовать получения специального разрешения на транзит через его территорию товаров, отнесенных к категории стратегических независимо от наличия транзитного документа Сообщества, выданного другим государством-членом. Однако меры, принятые государством-членом в

результате невыполнения этого требования, не должны быть несоразмерны преследуемой цели⁹⁵.

Решение по данному делу являлось одним из первых прецедентов, в котором был отражен подход Суда Европейского союза к национальным мерам в отношении товаров двойного назначения в рамках системы права Европейского Союза. В решении суда можно выделить два момента, которые определяют последующий подход, принятый союзными институтами. Во-первых, речь идет о статусе таких мер: право государств-членов определять и защищать свою безопасность не делает правовую базу сообщества излишней; напротив, ожидается, что национальные власти будут действовать именно в этих рамках. Второй момент касается ограничений, которые эти рамки накладывают на право государств-членов защищать свою безопасность посредством экспортных ограничений: широкое толкование понятия безопасности и центральная роль передающего суда определяют либеральный подход, который, как представляется, учитывает интересы государства-члена⁹⁶.

Данное дело приводится и в обоснование решения Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) от 21.02.2017 N CE-1-1/1-16-БК «Об установлении факта исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств - членов Таможенного союза от 21.05.2010» по схожему спору. Республика Беларусь в процессе таможенного транзита задержала товары бытового назначения ООО «Рубеж» и ООО «Технопром» в связи с проведением проверки их статуса как товаров таможенного союза, не признавая решений таможенных органов России. Товары перемещались

---

⁹⁵ Case C-367/89 Criminal Proceedings against Aim Richard and Les Accessoires Scientifiques SNC, 1991. Официальный сайт Суда Европейского союза. Режим доступа: <http://curia.europa.eu> (дата обращения: 26.10.2019)

⁹⁶ Koutrakos P. EU International Relations Law. Oxford and Portland, Oregon, 2006. С. 421.

транзитом в Российскую Федерацию через территории Литовской Республики и Республики Беларусь. 12 февраля 2015 года Ошмянской таможней вынесены постановления по делам об административных правонарушениях в отношении ООО "Рубеж", в которых сделан вывод, что к таможенному оформлению представлены недействительные документы, в связи с чем в отношении товаров данного общества не произведено таможенное декларирование. 13 февраля 2015 года судом Ошмянского района вынесены постановления об обращении товаров ООО "Рубеж" в доход государства. В решении по данному делу Суд Евразийского экономического союза также ссылается на принцип свободного движения товаров, одним из проявлений которого является свобода транзита, то есть когда товар таможенного союза следует из одного государства-члена в другое или в то же государство-член через территорию третьего государства.

Свобода транзита возникает в силу факта существования таможенных союзов и соответствует интересам всех без исключения государств-членов интеграционного объединения. В своем решении он также ссылается на дело против г-на Ришара, рассмотренное выше. задержание товара ЕАЭС таможенными органами государства, через территорию которого перемещается товар, которое к тому же может перерасти в полную блокировку перемещения товара в случае принятия компетентным органом решения о конфискации, уничтожении или обращении товара в доход государства, следует считать ограничением свободы транзита и, соответственно, свободного движения товаров. Подобные ограничения являются допустимыми в тех случаях, когда они непосредственно предусмотрены правом ЕАЭС и не выходят за рамки того, что необходимо для достижения предусмотренных этими актами задач. Договор о ЕАЭС не устанавливает никаких условий, при которых такие ограничения применительно к перемещению товаров ЕАЭС, выпущенных в свободное обращение на территории одного государства-члена, через территорию другого государства-члена могли бы быть оправданы. Статья 29 Договора о

ЕАЭС, на которую ссылается ответчик, содержит исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров во взаимной торговле между государствами-членами, но не при перемещении товаров ЕАЭС через территорию государства-члена. Данная правовая позиция, по мнению Суда ЕАЭС, согласуется с нормами главы 32 "Таможенная процедура таможенного транзита" Таможенного кодекса, которая не предусматривает национальный режим ограничения или запрещения таможенного транзита товаров интеграционного объединения. Таможенное регулирование в таможенном и Евразийском экономическом союзах отнесено к единой политике и регулируется правом ЕАЭС. Статьей 216 Таможенного кодекса определены исчерпывающие условия помещения товаров под таможенную процедуру таможенного транзита. Право государства-члена вводить запрет перемещения товаров в связи с защитой правопорядка на территории одного из государств-членов правом ЕАЭС не предусмотрено. По мнению Суда ЕАЭС Республика Беларусь не представила никаких доказательств в подтверждение наличия угрозы ее правопорядку в результате перемещения по ее территории бытовой техники. Более того, после обращения в доход государства холодильники, телевизоры и микроволновые печи поступили в гражданский оборот на территории ответчика⁹⁷.

Сравнивая данные споры, стоит отметить, что ситуации действительно похожи фактической и мотивировочной стороной, государство-член интеграционного объединения, через которое осуществляется транзит товаров другого государства-члена, задерживает товары в силу положений таможенного законодательства и также изымает их. Однако, стоит отметить, что в деле против г-на Ришара товар являлся стратегическим и должен был оформляться специальным разрешением по соображениям внешней

---

⁹⁷ Решение Суда Евразийского экономического союза от 21.02.2017 N CE-1-1/1-16-БК «Об установлении факта исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств - членов Таможенного союза от 21.05.2010». Официальный сайт Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.10.2019)

безопасности государства. Во втором деле транзиту подлежали бытовые товары, поэтому Суд ЕАЭС справедливо указал на отсутствие доказательств угрозы безопасности государства, обосновывая неправомерность задержания товаров.